

Андрей
Басов

2014 г.

3

Сказки старого дома

Романтическая фантастика

Андрей Басов

Сказки старого дома 3

«Издательские решения»

2014

Басов А. Н.

Сказки старого дома 3 / А. Н. Басов — «Издательские решения»,
2014

Приключения жильцов старого петербургского особняка в физически
существующих мирах собственной мечты и фантазии.

© Басов А. Н., 2014

© Издательские решения, 2014

Содержание

ГЛАВА 1: Поющий город	7
ГЛАВА 2: Набег на амазонок	49
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Сказки старого дома 3

Романтическая фантазия

Андрей Басов

© Андрей Басов, 2014

© Евгения Шевкаленко, иллюстрации, 2014

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

От автора

В предисловии к третьей книге романа повторяю то же, что содержится и в предисловии ко второй книге, а именно:

«...Перед вами книга любопытных положений, ситуаций для любителей интеллектуально завязанных сюжетов, выпутаться из которых герою помогает голова, а не волшебство, мускулы и умение стрелять.

Любители ужасов, космических и колдовских кошмаров, вражды и драк будут разочарованы, и им не следует открывать эту книгу и портить себе настроение. Но вот поклонники лёгкой для чтения, сказочной, романтической фантастики, возможно, получают эстетическое удовольствие. А те, кто любит иногда почитать на сон грядущий, – ещё и приятные сны!»

Андрей Басов

ГЛАВА 1: Поющий город

Расселение в нашем доме идёт полным ходом. Нам бы побыстрее очистить дворовые флигели, чтобы было, куда переселиться самим на время ремонта фасадного здания. Стелла свою квартиру уже освободила и держит её пустой в ожидании ремонта всего здания. Долго ей ещё придётся ждать. Месяца три будут переезжать жильцы на новые места. Потом ремонт тоже месяца на три в лучшем случае. Кроме мороки впереди пока ничего не видно.

Через несколько дней после моего возвращения из мушкетёрского Парижа, заглянула Анна Петровна и рассказала о своей встрече с Ришелье. Как и предсказывала Луиза, кардинал перехватил Аманду в Париже. Правда, пригласил её не на чай в Пале-Кардиналь, а в свой кабинет в Лувре и это было опрометчиво с его стороны. Луиза тут же доложила королеве. А та послала свою камеристку к кардиналу с предупреждением, что королева сейчас зайдёт к нему по важному делу.

Кардинал попал в неожиданную засаду. Королеву ждать не заставишь, а Аманду не выгонишь, раз сам пригласил. Королева Анна, войдя в кабинет Ришелье и посетовав на то, как она неудачно пришла к занятому человеку, высказала желание подождать, пока кардинал завершит разговор с Амандой. Пришлось Его Преосвященству опять удовлетворять своё любопытство в присутствии королевы. Правда, поняв щекотливость ситуации, Ришелье не стал ходить вокруг да около. Просто вежливо попросил Аманду рассказать о заговорах, если ей о том что-то известно. Похоже, кардинал уже был готов не бросаться в крайности своих амбиций и обид.

Аманда понимающе переглянулась с королевой и выдала нас всех с потрохами. Королева же поинтересовалась, дошло ли теперь до кардинала, что в Париже его сыску ничего не найти. Заговорщики истреблены друг другом. Участники этой истории в нашем лице никому и ничего раскрывать не намерены. А вот излишним интересом и шумом нам может быть нанесён вред. Получив уверения Ришелье в полном понимании и согласии с услышанными доводами, дамы покинули кабинет всемогущего министра.

– Подождём некоторое время, – сказала мне Анна Петровна, – и, если всё будет спокойно, пошлём Жермене весточку, чтобы возвращалась. Хочется мне всё-таки взглянуть на эту заговорщицу. Чем это она вам с Пьером приглянулась? И знаешь что, Сергей, пожалуй, для нас обоих будет лучше простое обращение друг к другу. И путаницы меньше, и отношения между нами ведь давно не как у посторонних людей.

– Согласен, Анна, – и мы разбежались по своим делам.

На работе у меня не очень благополучно. Вернее, не у меня, а у нашего НИИ – разоружение. Заказы министерство обороны не спускает и никто не знает, что теперь делать пяти тысячам сотрудников огромного НИИ. Одних увольняют, а других выпихивают в отпуск за свой счёт на неопределённый срок. Поработав недельку, я без труда выпихнулся в такой отпуск пока что на два месяца. Уж чего-чего, а без дела не останусь.

Ахмед повосторгался подаренным ему Мальчиком и уволок его в Багдад. Александр разрывается между школой и нашей компьютерной конторой. Капитан вернулся из плавания к Америкам и первым делом поинтересовался:

– А не сходить ли нам с тобой завтра полакомиться вернской ветчиной?

– И как это называется? – поинтересовался капитан Вик, обозревая дворик моего дома в Верне.

– Это такая местная осень, – просветил я его.

– Круто. Ты говоришь, что не заглядывал сюда месяца два. И я тоже около того из-за затянувшегося плавания в Аргентину. Почти совсем подзабыл вкус местной ветчины. Правда, вкус вина забыть невозможно. А смотри-ка, ничего не изменилось, а ведь уже сентябрь.

– Да, климат тут не российский. Осень приходит много позже, а лето много раньше. Вот потому и сейчас всё в цвету, как и летом.

– Прелесть. Посидим тут немного? Где ещё найдёшь такой покой, умиротворение и мини-атюрную прелесть

– Отчего бы и не посидеть. Я бы даже и подзадержался тут.

– Зачем?

– Хочу Жозефа надуть.

– Жозефа? А разве королевского волшебника можно надуть? И зачем?

– Очень уж он воображает своей способностью всеведения. Как только я появляюсь в «Морском драконе» и он тут, как тут. Как-то предчувствует моё появление в Верне и знает, что первым делом я двинусь в таверну. А мы там сразу не появимся. Жозеф придёт в «Морского дракона» и вдруг ему такой облом! Нет меня и всё!

Кто-то осторожно постучал в калитку.

– Хозяин дома? – услышался с улицы знакомый голос.

– Вот это облом! – расхохотался Вик.

Встаю и открываю калитку.

– Здравствуйте, Жозеф.

– Здравствуйте, Серж. О, Вик, и вы здесь! Рад вас обоих видеть. Любуется красотой? Жанна умеет её создавать. Я присяду? Никуда не спешите?

– Не спешим. Собирались с капитаном Виком через некоторое время сходить перекусить. А так вроде больше и делать нечего. А вы что, мне или нам работу нашли?

– Это вы по поводу моего визита? Нет, ничего такого. Просто давно вас не видел. Вот и заглянул.

– Странно, что никаких проблем. Как-то, даже непривычно. Может быть, всё же что-то и где-то не так? А то нам с капитаном Виком скучно станет.

– Если о скуке, то Виолетта немного скучает. Но мы-то с вами знаем, что избавит её от тоски. Герц тоже чувствует себя не очень в своей тарелке.

– А ему-то чего не хватает?

– Забот, которых всегда было выше головы. Казна ломится от денег после не состоявшейся войны с пиратами и это его тяготит. Появились деньги – привычные заботы ушли.

– Да-а, задача серьёзная. Мне как-то ещё не доводилось думать над тем, чтобы создать проблемы там, где их нет, и не требуются. Хотя мы с капитаном Виком могли бы посодействовать Герцу советом в создании проблем. В некоторых странах имеют хождение не золотые и серебряные деньги, а бумажные.

– Бумажные? Разве такое возможно?

– Не только возможно, но и практикуется. Посоветуйте Герцу изъять из обращения золотые и серебряные монеты. Вместо них пустить в оборот деньги, отпечатанные на бумаге, с обозначенным достоинством золотой и серебряной монеты. Гарантируем, что в государстве появится столько проблем, что Герцу некогда будет скучать.

– Верю, верю, – рассмеялся Жозеф. – Бумажные деньги. Надо же! Даже мне понятно, что за проблемы возникнут. Нет уж, упаси нас, Бог, от такой напасти! Пусть лучше Герц пострадает от безделья. Так как насчёт перекусить?

– Думаю, что мы сами себе проблему голодных желудков создавать не будем.

В «Морском драконе» обычная суeta. Подскакивает Жанна и подставляет всем по очереди щёку для поцелуя. Что-то во время проявления этого знака вежливости и дружбы Вик слегка подзадержался у щеки Жанны. Или мне это показалось?

– Как я рада вас всех видеть! Серж, твой стол Колин велел всегда держать свободным. Садитесь, я сейчас вас обслужу.

Колин приветственно машет рукой, но не подходит. Занят с кем-то то ли из поставщиков, то ли из посетителей. Жанна с напарницей уже тащат подносы к нашему столу, расставляют тарелки и всё прочее. Дружно вгрызаемся в пищу.

– Во дворец сегодня пойдёте, Серж? – спрашивает Жозеф.

– Не знаю. Дела нет, а без него как-то неудобно. Предложить дружескую компанию вечером? А вдруг Виолетта и Казимир заняты?

– Не заняты, не заняты и будут рады, как вам, так и вашему предложению.

– Тогда нужно будет заглянуть во дворец. Придумать бы какой-нибудь фокус, чтобы вечер сделать поразнообразнее. Жанна, что бы такое нам сообразить для увеселения королевы?

– Может быть танцы под граммофон?

– Точно! Схожу сейчас к гномам в лавку и выберу инструмент. Как это Колин сам не догадался? Вик, а вы, пока я пробежусь по делам, можете сходить посмотреть, как налажено кабацкое дело в порту. Вас ведь это, помнится, живо интересовало.

– Схожу, схожу, конечно, вот только получше вкус ветчины запомню. Ещё четверть око-рока не освоено.

– Тогда я пошёл.

Оставив капитана Вика за столом, мы вместе с Жозефом вышли из таверны.

– Вот уж никогда не подумал бы, что капитана Вика могут интересовать портовые кабаки, – смеясь, удивился Жозеф. – А уж тот, который в нашем порту, то он пользуется настолько дурной славой, что Герц всё время порывается его прикрыть. Я возражаю. Моряки, что прибывают к нам, разные бывают. В том числе и не очень спокойные и разборчивые по части развлечений. Плохо будет, если не найдя своего привычного веселья в порту, они пойдут искать и устраивать его в городе.

– У капитана Вика в нескольких портах есть свои таверны. А уж по части успокоения буянов ему и равных нет. Если он захочет выкупить ваш вернский портовый кабак, то Герц может не волноваться. И заведение будет спокойным, и публика в нём станет тише воды и ниже травы. Так что, Жозеф, встретимся ближе к вечеру во дворце?

В ателье Льюиса обычная толкучка и суeta из желающих приобщиться к самым последним веяниям моды. Дела захлёстывают первого вернского модельера и поставщика королевского двора, и ему пришлось отойти от личного обслуживания клиентов. Рядом со столовой Льюис устроил себе кабинет, и бразды правления держит там.

– Синьор Серж, синьор Серж! – как всегда энергично приветствует он меня, вскакивая со стула. – Как я рад, как я рад вам! Вот видите, что вы со мной сотворили. Теперь сижу и только отдаю распоряжения. На работу с клиентами у меня нет времени. Так можно и совсем забыть, как мерки снимаются. Я шучу, я шучу. Всё идёт просто прекрасно! Хотя вру. Не всё. Открыли мы свой первый магазин по продаже готовой, модной одежды за границей – в Альгамаре.

– Так это хорошо.

– Эх, если бы так, – тяжело вздохнул портной. – Хорошо было только два дня. Лишь на них и хватило того, что мы завезли. Полки пустые. Всё уходит намного быстрее, чем мы успеваем шить. Везём отсюда, наняли швей и в Альгамаре. Всё равно желающих много больше, чем мы можем удовлетворить.

– Но это ведь только первое время будет такой ажиотаж. Потом успокоится.

– Так-то оно так, но история обещает повториться и в другой стране, другом городе. Да и если новая мода возникнет, то получится та же картина.

– Да, задачка. Нужно подумать.

Льюис просветлел.

– Я уверен, синьор Серж, что вам что-нибудь удачное непременно придёт в голову. Если понадобятся деньги, то у нас их сейчас достаточно. Ваша доля в три тысячи декст¹ за последние два месяца у банкира.

– Спасибо, Льюис. Вы не подскажете, где тут лавка гномов?

– По нашей стороне Рыночной улицы ближе к городским воротам.

Распрощавшись с Льюисом, двинулся в указанном направлении. Смотри-ка, торговцы граммофонами разукрасили свою лавку под домик гномов. Чёрт, а денег-то в кармане всего две серебряные монетки. Совсем забыл. Пришлось вернуться назад и заглянуть в банкирскую контору. Выслушал даже небольшой отчёт по движению средств.

– Ваше доверенное лицо – Жанна Монк, синьор Серж, почти не пользуется поручением, которое вы ей оставили. За всё время она сама забрала меньше ста декст и написала распоряжение на ежемесячную выплату тридцати солентино другому лицу.

– Кому и за что?

– Женщине, не помню её имени, за уборку в лавке гномов.

– Всё правильно.

– В вашем распоряжении, синьор Серж, сейчас семьсот восемьдесят два золотых². Вы так и не хотите их во что-нибудь вложить?

– Нет. Спасибо за порядок в моих финансах.

– Что вы, что вы, всегда рады вас видеть.

В граммофонной лавке оказалось довольно оживлённо. Да она, похоже, вовсе даже и не граммофонной стала. Правда, вижу её впервые, но Жанна-то раньше говорила, что открыли именно граммофонную лавку. Наверное, всё же лесной народ решил, что в городе прямо с народом торговать выгоднее, чем около леса с перекупщиками. Тут есть всё, что делают на продажу гномы и эльфы и кроме граммофонов. И струнные инструменты, и оружие, и иголки с ножницами, и металлическая посуда, и зеркала, и украшения из серебра. Глаза разбегаются. А это что? Очень похоже на слегка желтоватый фаянс или фарфор. Какие прелестные статуэтки! Двое продавцов из людей с достоинством разговаривают с покупателями. А ещё человек пять или шесть клиентов присматриваются к товарам на полках.

В дверях в глубине лавки стоят Арзон и Везер, с улыбкой удовлетворения, довольства созерцая дело рук своих. Увидели меня, встрепенулись, поспешили навстречу и потащили внутрь лавки.

– Ты в Верне надолго? К нам в лес заглянешь? – поинтересовался Везер. – Как удачно совпало. Мы с Арзоном только сегодня выкроили время посмотреть, как в лавке идут дела. Извини, здесь угощать нечем, но в лесу...

– Да что вы, какое угощение. Я ведь прямо из «Морского дракона». Как народ отнёсся к новому музыкальному инструменту?

– Берут. Очень хорошо берут, – с нотками гордости в голосе изрёк Арзон. – Жалуются, что очень дорого и берут. Но дешевле пока не получается. Работы много. Даже в королевский дворец взяли. В основном покупают в богатые дома просто так или обычные люди кому-то в подарок на большой праздник. Будем думать, как облегчить нам работу, чтобы продавать дешевле.

– И сколько вы просите за инструмент?

– От пяти декст до золотого.

– Да, не дёшево. Но я, пожалуй, наскребу столько. Куплю у вас граммофон и десятка два пластинок для танцев. Нет, нет, даже не думайте! Бесплатно я ничего брать не буду. Эта

¹ Декста = 100 медных солентино.

² Золотой = 10 серебряных декст.

машинка не для меня, а для таверны Колина. Так что сами подберите инструмент и пластинки, чтобы всё вместе обошлось не дороже золотого.

Подходящий граммофон быстро нашёлся. Пластинки тоже. За всё взяли девять декст.

– Арзон, а как вы делаете те чудесные статуэтки, что выставлены у вас в лавке?

– Это не мы. Фигурки лепят и раскрашивают женщины из деревни Везера. Мы им только печь для обжига сделали. Правда, красиво?

– Очень! Я бы купил пастушку с птицеловом. Сколько стоит?

– Семьдесят солентино.

– Только заверните во что-нибудь.

И в самом деле, изумительная пастораль. Как тщательно вылеплены лица, пальчики, цветы. А как тонко раскрашено! Нет предела, чуть не сказал, человеческому мастерству. Нечеловеческое мастерство! Эльфы могут потягаться с китайцами и даже превзойти тех. Был бы материал подходящий. Жанне должно понравиться.

– Везер, Арзон, мне нужно поговорить с вами об одном деле.

– О серьёзном деле? – поинтересовался старый гном.

– Да как сказать. У Льюиса трудности. Вручную шить одежду очень медленно. Он не успевает обслуживать клиентов.

– Понятно, – улыбнулся Арзон, – ты принёс нам инструмент, который сам играет и хочешь, чтобы мы теперь сделали что-то, что само шьёт.

– Само-не само, но шьёт быстрее. Я принесу образец. Вы сможете.

– Видишь ли, Серж, – вместо Арзона ответил Везер, – у нас деревня большая и есть, кому работать. Но вот у гномов все уже заняты. Если браться за новое дело, то придётся бросать сегодняшнее. Сам понимаешь, что это не очень-то хорошо для всех.

– Да, не очень. Но вы же сами собираетесь подумать над облегчением себе труда. Почему бы вам не заказывать у людей изготовление грубых, простых, но отнимающих много времени заготовок, деталей? Много времени освободится, а все секреты останутся при вас. Вон продавцов-то вы наняли, а почему бы не нанять и рабочих?

– Ты прав. Над этим стоит подумать.

– Подумайте, подумайте, а машинку для шитья я принесу. Посмотрите. Если ничего и не выйдет, то это не страшно. Живут же люди и без швейных машин. Я пойду, пожалуй. Рад был вас повидать.

Лесные жители проводили меня до порога лавки.

– Да, – вспомнил я, – если будет настроение, то приходите сегодня вечером в «Морского дракона». Затеваюсь небольшой дружеский праздник.

– Придём непременно. Правда, Арзон? – пообещал Везер.

– Придём, – согласился старый гном, но...

Видно, что он хочет ещё что-то сказать, но колеблется.

– Тебя что-то беспокоит, Арзон?

– Да, можно и так сказать. В подземном зале одна дверь пропала. Та, которую мы камнем закладывали.

– Знаю. Я немного разобрался в машине, которая там стоит. С её помощью можно открывать и закрывать проходы. Опасный я закрыл, чтобы он глаза не мозолил.

– Слава Богам! – облегчённо вздохнул гном. – Значит, это с машиной не связано.

– Что не связано?

– Когда мы с Везером сегодня вошли в город, то почувствовали какое-то странное, едва уловимое напряжение в воздухе.

– Да, да, – подтвердил эльф, – словно что-то необычное должно вот-вот произойти, а что именно, где и когда не понять.

– И это не похоже на известное нам колдовство, – добавил Арзон, – а предчувствие какой-то беды что ли. Или не то, чтобы беды, а чего-то странного и несуразного.

– Так, не было печали. Я сегодня разговаривал с королевским волшебником. Он ничего такого не упоминал.

– Он хотя и волшебник, но человек. Может и не чувствовать того, что ощущаем мы.

– Понятно. А опасность какая-нибудь витает или только странность?

– Только странность.

– И то легче. Буду иметь ввиду. До вечера!

Капитана Вика в «Морском драконе» нет и посетителей немного. До обеденного наплыва ещё часа два. Отдаю граммофон и пластинки Колину. Подавальщицы собрались за одним из столов и о чём-то весело щебечут. Жанна отделяется от них и пересаживается ко мне.

– Это что, Серж? – спрашивает она, указывая на свёрток, водружённый на середину стола.

– Это подарок тебе. Разверни, – и Жанна, ёрзая от нетерпения и любопытства, начала разматывать тряпки, в которые укутали статуэтку.

– Какая прелесть, – очарованно прошептала девушка, осторожно поворачивая фигурку так и этак. – Это и в самом деле мне? Спасибо. Никогда таких ещё не видела.

– И мне тоже приятно, что я угадал тебе подарок по душе. Капитан Вик давно испарился?

– После вашего с Жозефом ухода, наверное, ещё с час просидел и потом пошёл в порт.

– Час? Да что же он тут делал столько времени? Окорок доедал?

– Нет, просто сидел, курил свою трубку и смотрел по сторонам. Какой дым-то ароматный! Я иногда к нему подсаживалась поболтать. Он на меня так странно смотрит! Мне даже не по себе становится.

– Неприятно?

– Нет, нет, что ты, Серж! Просто он меня как-то смущает.

Жанна замолкла, нервно теребя скатерть. Вроде как старается собраться с духом, мыслями.

– Серж, а сорок восемь лет для мужчины это много?

Опля, вот так фокус! Надо же до чего дело уже дошло. И когда это они успели так заинтересоваться друг другом? А Жанне-то такое зачем? Кругом молодёжи полно. Даже и далеко ходить не надо. Племянник Колина за ней увивается. Вполне приличный юноша. Как она на меня сейчас смотрит! Со страхом и надеждой. А синие глазищи-то у неё, какие бездонные! Любой капитан утонет бесследно и беззвучно. Соврать что-нибудь? Нельзя. Другим не врут. Тем более таким, которые тебе безоглядно верят. Нужно как-то выкручиваться.

– А откуда ты знаешь, что ему сорок восемь.

– Он сам случайно проговорился.

Проговорился? Жди! Чёрта два проговорился! Это он тебя специально пугает. Хочет, чтобы всё было по-честному. Оберегает тебя от ошибки. А ты, Жанна, хочешь от меня узнать, будет ли тут твоя ошибка или нет. Видно это старьё тебе всё же почему-то нравится. Вот же напасть-то какая!

– Ну, что я могу тебе сказать, радость ты наша? Вик мужчина достойный. Ты это и сама видишь. А то, что ему сорок восемь, то это я от тебя впервые узнал. Никогда не интересовался. Нет, конечно, по его привычкам и опыту как-то так и должно быть. Но по внешности ему и сорок-то вроде бы с натяжкой только и дашь. По моему мнению, для него сорок восемь совсем не так уж и много. У него впереди, наверное, ещё столько же. Но ты ведь не это хочешь знать. Правда?

– Я и сама не знаю, что я хочу знать и хочу ли, вообще, что-то знать.

– Ты хочешь знать, не много ли его сорок восемь для твоих восемнадцати. Верно?

– Деятнадцати.

– Пусть будет девятнадцати. Но оценивать эту разницу только тебе. И кроме себя об этом никогда никого не спрашивай и не слушай. Меня в том числе. У тебя и радости должны быть свои, и ошибки тоже. Могу дать только один совет. Лучше присматривайся и не теряй головы.

– Спасибо, Серж, – с облегчением вздохнула повеселевшая Жанна. – Буду слушать только себя.

– Однако я должен тебя предупредить. Моряк есть моряк. Тем более что не из Верна родом. Он не может осесть здесь безотлучно так же, как и я.

– Я понимаю, – прошептала Жанна.

В открывшуюся дверь таверны ввалился Вик.

– Ой, – пискнула девушка, – я ничего не спрашивала. – И упорхнула, не забыв прихватить статуэтку.

– О чём это вы тут секретничали? – поинтересовался Вик, опускаясь на стул.

– О малых скульптурных формах. Обнаружилось что-нибудь интересное в порту?

– Обнаружилось. Кабак и, в самом деле, грязнее некуда.

– А падшие, доступные женщины?

– Не видел. Может быть, они ближе к ночи выползают. Хозяин, похоже, ещё тот тип!

На такую жуткую рожу стоит взглянуть, ибо в уме представить трудно. Но вот постройки, похоже, довольно крепкие. Хотя на вид довольно-таки странные. Вроде бы и возведены не так уж давно. Такое ощущение, что заведение не сложилось само по себе, а организовано, как театральная постановка с декорациями и гримированными персонажами. Один из них очень даже занимательный.

– Чем?

– Своё давно отплававший старый моряк на роли приживалки в кабаке что ли. Интересный субъект. За кружку пива или стакан рома рассказывает такие небывалые истории, что диву даёшься. Я думал там только заведение, а оказалось, что довольно обширный земельный участок с хозяйственными постройками. Склад, конюшня с кузницей, сараи, какие-то маленькие, по виду жилые домики. Завидный кусочек, если за него с умом взяться. Попал, правда, не в те руки.

– Понятно. Мимо не пройти. И сколько за него запросили?

– Триста золотых. Это много?

– Понятия не имею. Нам бы поскорее обернуться с покупкой. Нужно ведь ещё во дворец заглянуть. Вы сидите здесь, а я слетаю к банкиру и по пути загляну к стряпчему. Пока я хожу, придумайте себе какую-нибудь бесхитростную фамилию. Иначе купчую будет не оформить.

У Циммермана взял не триста, а на всякий случай триста пятьдесят золотых, двадцать из которых серебром. Стряпчий – синьор Имрих оказался у себя в конторе.

– Мой друг хочет приобрести кое-какую недвижимость в порту. Вы, синьор Имрих, не согласились бы сопровождать нас, чтобы оформить сделку прямо на месте?

– Разумеется, сейчас я только соберусь.

Сборы были недолгими. Стряпчий побросал в портфель какие-то бумаги, запихнул туда же чернильницу-непроливайку, перья и какие-то печати.

– Я готов, – сообщил он, и мы вышли на улицу.

Вик ждал нас перед «Морским драконом». Познакомил его со стряпчим и двинулись вниз – к порту. Грязный притон не виден из города за окружающими порт домами. А из порта не виден за складскими строениями, но кому нужно – тот найдёт. Нашли и мы. Тем более что наш проводник здесь уже сегодня побывал. Внушительное деревянное строение с дырявой и полустёршейся вывеской «Приют моряка». Внешнее впечатление, что вот-вот развалится. Внутри не всё так безнадежно, но всё равно удручающе до тех пор, пока не подойдёшь вплотную к стене или опорному столбу второго этажа и не колупнёшь их пальцем. Окажется, что серая, ноздреватая ветхость и точки изъеденного жучком дерева просто нарисованы. На стук

древесина отзывается звонкой свежестью не таких уж давних лет, а не глухотой многих десятилетий, как старая.

Хозяин и в самом деле безобразен. Сухой, горбатый и хромой. Одетый в какое-то невообразимое, но не рваное тряпье и с громадным ножом за поясом. Глубокие и кривые морщины прячутся в волосяных зарослях бороды. Пронзительный взгляд исподлобья прищуренных, словно оценивающих собеседника глаз и хриплый, повелительный голос довершают картину.

– Приветствую вас, синьоры, – обращаясь к нам всем, но глядя только на Вика, произнёс этот персонаж, словно сошедший со страниц страшных сказок. – Что желаете?

– Продолжить наш недавний разговор, – ответил Вик, – если вы не передумали.

– Прошу вас, синьоры, за стол. Я не передумал, но подумал, что очень задёшево отдам своё заведение.

– Зато я могу передумать покупать, – оборвал его Вик. – Если ваше заведение способно увеличиваться в цене, стоит только от него отойти на часок. Со мной такие фокусы не пройдут.

– Ладно, ладно, я пошутил, – проскрипел хозяин. – Всё как договорились.

– Генри, ты что, продаёшь свою таверну? – донеслось из угла зала и какой-то бородатый, но опрятно выглядящий старик в матросской одежде подошёл к нам на пару шагов.

Вик подмигнул мне. Понятно. На сцену вышел рассказчик историй за стакан рома.

– Продаю. И что? Тебе-то какое дело кому и что я продаю.

– А как же я?

– Это у нового хозяина будешь спрашивать.

– Как же так? У нас ведь с тобой договор.

– Договор, договор, – раздражённо передразнил кабатчик. – Договор до тех пор, пока я хозяин. Забыл? – И уже обращаясь к нам. – Сейчас бумаги принесу.

Рассказчик удивительных историй немного постоял, глядя на нас, повернулся и пошёл обратно в свой угол.

– Вот бумаги, – протягивая капитану Вика свитки, произнёс уродливый Генри.

Тот сразу передал их стряпчему и синьор Имрих погрузился в изучение документов.

– Так, так, карта земельного владения площадью два акра³, купчая на землю. А купчая на строения?

– Какая купчая на строения? Всё построено мной.

– Ах, извините. Вот регистрация построек в магистрате. Сразу не заметил. Так, дом, конюшня, кузница, склад. Но мы видели, что построек больше. В том числе и внешне жилых.

– Если не нравится, что их больше, а не меньше, то можете снести. Мне-то что.

– А то, что незарегистрированные жилые строения чреваты штрафом, а их снос разбирательством властей о тайно возведённых постройках и их тайном уничтожении.

– Синьор Имрих, – остановил, ретиво сбивающего цену стряпчего Вик, – пусть будет так, как есть. Меня устраивает.

– Воля ваша. Тогда давайте осматривать хозяйство.

В подвале кое-какие припасы для кухни. Винный погреб весьма обширен. Мне только показалось или, в самом деле, какая-то неясная тень промелькнула между бочками? Кухня довольно чистая, а комнаты для гостей на втором этаже вполне терпимые. На чердак не полезли. Конюшня, кузница такие, какие и должны быть. Склад свободен. Только в дальнем углу свалено что-то укрытое пустыми мешками.

– Что там? – спрашивает Вик.

– Чужое. Если сделка состоится, то сегодня же заберут, – отвечает кабатчик.

³ Акр – 0,4 гектара.

Сараи со всяким необходимым в хозяйстве инструментом и отслужившим своё хламом. Лужайка с ещё одним сарайчиком. На лужайке пасётся корова. Три маленьких домика для жилья в ряд в дальнем углу участка. Около одного уже стоит старик-рассказчик.

– А как же я? – опять слышится всё тот же вопрос.

– Живите, как жили, – отвечает Вик, отходя к следующему домику.

Тут нас ждал удивительный сюрприз. Из домика выходит очень даже миловидная, пожилая девушка лет двадцати пяти – двадцати семи. Похоже, что даже не удивлена и не обеспокоена тем, что таверна продаётся. Приветливо улыбается нам.

– Кто это? – последовал вопрос хозяину.

– Да так, Криста, – замаялся он, – живёт себе и живёт.

– Просто класс! – высказался Вик, направляясь к третьему домику. – Подумать только, живёт себе и живёт!

В третьем домике бездетная семья слуг средних лет. Он повар в кабаке, а она подавальщица. Сейчас они заняты своим делом, и дома их нет. Вроде всё осмотрели. Да, ещё небольшой, хорошо ухоженный огород и крошечный плодовый садик в дюжину яблонь и груш.

– Ну что ж, – подвёл итог капитан Вик, когда мы вернулись в местное, странно спокойное сейчас гнездо разгула и разврата – я удовлетворён. Можно подписывать.

Синьор Имрих извлёк из портфеля атрибуты своего мастерства и принялся за дело.

– Так, договор о продаже между Генри Рейном и Виком...

– Андерсеном, – подсказал Вик.

Вот тебе и раз! Словно не мог выбрать другую простую фамилию.

– Вы с синьором Сержем родственники? – удивился стряпчий.

– Нет, однофамильцы, – поспешил ответить я.

– Хорошо. Виком Андерсеном. Так и запишем. Ваши подписи и пальцы, синьоры. Вот и всё.

– Отсчитайте, Вик, – и я передал новому владельцу притона звенящий мешок, – а то там лишнее.

Расплатились со стряпчим и договорились с бывшим хозяином о том, что сегодня всё останется как обычно в его заботах, а к утру страшный Генри освободит владение от себя самого и чужого имущества. Когда мы уходили начал прибывать наёмный персонал таверны для подготовки заведения к вечерним оргиям. Двое вышибал и четверо слуг.

Когда мы не спеша шли вверх по Дворцовой улице, я спросил:

– Вик, вы ничего подозрительного не заметили в винном погребе?

– Заметил. Похоже, что там кто-то или что-то живёт. Потом разберёмся.

Лошадь Жозефа стоит у его дома. Значит, и сам хозяин на месте, но на стук никто не отзывается. Перемещаемся к дворцу. Дверь открывает сам король Казимир.

– Заходите. Жозеф здесь, у Герца, – сообщает он после взаимных приветствий и вопросов. – Поднимайтесь в гостиную. Я сейчас всех соберу.

Вик опять чуть ли не молитвенно замер перед портретом Виолетты.

– Нет, что ни говори, а королева в Верне бесподобная.

– А я опять вас слышу, Вик, – послышался голос Виолетты. – Спасибо. Рада вас видеть. Надолго к нам?

– Ещё не знаем. Вот пришли пригласить вас с Казимиром на дружескую вечеринку. Да, заодно отметим и покупку капитана Вика.

– Что за покупку?

– Вик приобрёл вернскую портовую таверну.

– О, Господи, Вик, вы в своём уме? Там же чёрт знает, что творится.

– Я знаю. Но дело не в том, что там сейчас, а в том, что будет. Для меня это дело знакомое.

– Тогда ладно, – успокоилась Виолетта. – Вот, пожалуйста, и остальные прибыли. Казимир, нас опять приглашают на вечеринку. Может, откажемся? – Лукаво улыбаясь, предложила Виолетта. – Ничего нового ведь не обещают.

– Никогда не совершу такого преступления, как отказ от дружеского праздника, – ответил Казимир. – Тем более что Жозеф говорит о возможных танцах под граммофон.

– Тогда и я не в силах устоять перед таким соблазном. Пошла переодеваться.

В «Морском драконе» вечером мило илюдно, как обычно.

– Что-то сегодня стульев у нашего стола слишком много, – удивилась Виолетта, когда все расселись, и оказалось, что есть ещё свободные стулья.

– Обещали прийти два гостя из леса – Везер и Арзон.

– Как интересно! Я никогда с лесными жителями не встречалась, а о Везере и Арзоне много слышала от Жозефа и Герца.

– Да вот и они, – увидел обоих в дверях Жозеф.

Лесная пара стоит на пороге и оглядывает зал. Заметив нас, подошли и слегка замешкались, поняв, что здесь королева Верна. Но не растерялись и, почтительно приложившись к королевской ручке, уселись за стол. Подавальщицы птичками летают вокруг стола, расставляя приборы, графины и блюда с кушаньями.

– Жанна, Жанна, ты где? – позвала Виолетта.

– Бегу, Ваше Величество. Ходила за подушкой, чтобы Арзону повыше устроиться на стуле.

– Только тебя и не хватает. Садись, наконец.

– Я рада познакомиться с вами, Арзон, и с вами, Везер, – начала Виолетта. – Я слышала, что вы открыли свою лавку в городе. Очень довольна, что нет больше недоразумений между людьми и лесным народом. Сейчас я вас познакомлю со всеми. Синьора Герца и Жозефа вам представлять не нужно. Вы и так их хорошо знаете. Вот капитан Вик – друг и соотечественник Сержа. Жанна...

Тут Виолетта слегка смешалась, затрудняясь, в качестве кого представить подавальщицу таверны.

– Мы знаем Жанну, – выручил её Везер.

– Тогда, наверное, знаете и какая это чудесная девушка. А вот этот симпатичный мужчина с бородкой мой муж – король Казимир.

Лесная братия почтительно, но с достоинством на мгновение склонила головы.

– Сегодня у нас небольшой дружеский праздник по случаю приезда Сержа и капитана Вика, – продолжила Виолетта, поднимая бокал, – и всегда в таких случаях первый тост за дружбу. Вы к нам присоединитесь, Арзон, Везер?

– С радостью и уважением, – изрёк Арзон, поднимая и свой бокал.

Второй тост последовал за удачную покупку капитана Вика.

– А что вы купили, Вик? – поинтересовался Арзон.

– Здешний портовый притон.

Арзон и Везер переглянулись и, как мне показалось, несколько напряглись.

– А вы при осмотре ничего странного не заметили?

– Заметил и Серж тоже. Но мало ли странного на первый взгляд в мире. Разберёмся.

– Дай Бог, – вздохнул Арзон.

– Серж, – поинтересовалась Виолетта, – а кто будет нас учить новым танцам? Та музыка, которую играют новые инструменты не подходит к привычным для нас ритмам.

– Сейчас что-нибудь придумаем. Жанна уже умеет танцевать вальс, танго и фокстрот. Она возьмёт в партнёры Казимира и научит его. Ничего сложного нет. Капитан Вик опытный

танцор. Он научит королеву. Лучше всего начать с самого простого – с танго. Колин, запускай машинку!

Вот две пары вышли в середину зала и начали потихоньку принаровляться к музыке. Уже к концу мелодии обучаемые хотя бы перестали спотыкаться. Запустили танго снова. Вся публика перестала есть и, затаив дыхание, наблюдает за парами.

– Ну? – обратился я к Арзону.

– Что «ну»? Неудачную покупку сделал твой друг Вик. Мы же говорили тебе, что что-то странное витает в воздухе. Когда Вик сказал о портовой таверне, то мы с Везером как-то сразу поняли, что источник нашего беспокойства именно там.

– И что это за источник беспокойства? – живо заинтересовался Герц. – Очень опасный?

– Не знаем. Так, вроде кроме необычности ничего не сулит. А там, на самом деле, кто его знает!

– Всякие необычности у меня уже вот где, – и Герц провёл ребром ладони по шее. – Не зря я пытался прикрыть этот притон, но Жозеф отговаривал. А теперь капитан Вик ухватился за это безобразие. Час от часу не легче.

– Не сокрушайтесь, Герц, – успокоил я старика, – капитан Вик справлялся и не с такими проблемами. А вот и наши танцоры возвращаются.

– Как интересно с этими новыми танцами! – порадовалась Виолетта. – Вот отдохнём и пойдём доучивать. Жанна, а почему бы тебе не организовать обучение новым танцам прямо здесь в «Морском драконе»? От желающих отбоя не будет.

– Можно попробовать, – согласилась та.

– За что теперь выпьем? – и королева посмотрела на меня. – За всех присутствующих поочерёдно, пожалуй, не стоит. В прошлый раз, похоже, это оказалось немного тяжеловато. А сегодня наша компания ещё и увеличилась.

– Давайте выпьем за самого старшего в нашей городской компании, – предложил я, – и больше злоупотреблять не будем. Герц, а как, кстати, ваше имя?

– Антонин.

– О, Боже, – Виолетта густо покраснела, – сколько лет мы вместе, а мне ни разу и в голову не пришло спросить имени. Всё Герц и Герц. Как так? Ваше здоровье, Антонин!

Только вернули бокалы на стол, как они сами по себе снова зазвенели. Все замерли от неожиданности. Издалека донёсся какой-то гул, задрожали пол и стены, загремела посуда на столах. Со стены на пол грохнулась картина.

– Бежим на улицу! – воскликнул Казимир.

Только вот выбежать сложновато. В дверях уже толчея.

– Давайте через кухню, – сообразила Жанна.

Все выскочили во двор, обогнули угол таверны и оказались на улице среди скопления выскочивших из домов жителей. Где-то над портом поднялся столб дыма, но не видно, чтобы что-то горело. Зарево-то есть и тоже столбом, но не от пламени, а просто сноп яркого, красного света. Через несколько секунд дрожь земли прекратилась, свет, медленно растворяясь, погас, а дым как облако поплыл по ветру.

Виолетта обратилась к Жозефу:

– Что это было?

Тот только пожал плечами и обернулся к хозяину портового притона:

– Вик, а это не в вашем новом приобретении?

– Откуда я знаю. Нужно посмотреть.

Хорошо, – решила Виолетта, – мы с Казимиром возвращаемся во дворец. Потом расскажем, что там такое.

Подъехала коляска Герца и королевская чета отбыла домой.

– Что ж, придётся идти пешком, – со вздохом произнёс главный министр, и вся наша компания, кроме оставшейся у «Морского дракона» Жанны, двинулась в свете луны вниз по улице.

Источником дыма и света, в самом деле, оказался «Приют моряка». Только теперь он стал сам на себя не похож. Весь персонал столпился перед ним, в испуге и недоумении созерцающая строение, из которого в панике выскочили несколько минут назад. Кроме слуг и вышибал тут ещё и несколько моряков разной степени опьянения и потрепанности морскими бурями. А также три или четыре утомлённые не морскими, а жизненными бурями дамы разного возраста, но явно угадывающегося рода занятий. Бывшего владельца таверны – Генри среди них нет, но старик-рассказчик чудесных историй здесь.

– Почтеннейший, – обратился к нему капитан Вик, – я в некотором затруднении, ибо не знаю вашего имени. Днём Генри мне вас представил, но как-то неразборчиво, а переспрашивать я не стал.

– Роджер. Боцман Роджер Кан, капитан.

– Что тут произошло, Роджер?

– Нашего Генри вроде бы унесли черти. Наверное, много им был должен. И Крису, похоже, тоже унесли. Я видел, как она пролетела вслед за Генри в это облако невесты откуда взявшегося дыма.

– А Криста-то тут причём?

– Наверное, одна компания.

– Компания с Генри или с чертями?

– А кто их разберёт! Генри и чёрт почти одно и то же. Думаю, Генри что-то почувствовал в последнее время. Раз свою таверну поспешил продать, как только представился случай.

– Угораздило же вас, Вик, приобрести в собственность прибежище чертей, – заметил Герц. – И что теперь будете делать?

– Посмотрю, что там осталось после визита нечистой силы, – и новый владелец решительно направился к своему заведению.

Посмотреть и в самом деле было на что. Дневной серости здания как не бывало. Даже в неверном свете луны видно, что оно словно преобразилось. Замшелости камня фундамента и изъеденности, гнилости дерева, словно никогда и не было. Дом будто бы только что построен. Лишь вывеска осталась ветхая и дырявая, как и была. В окнах колеблющийся свет горящих ламп. Бесовские проделки их не погасили. Мы двинулись вслед за Виком, и Роджер тоже пошёл за нами. Все прочие предпочли остаться стоять во дворе, наблюдая издали за нашей отважной компанией.

Внутри тоже всё преобразилось. Тёплого оттенка, светлое дерево стен и потолка даёт в лучах ламп лёгкий блеск, словно чуть-чуть покрыто лаком. Свет ламп не тонет в окружающей серости, а весело играет, отражаясь от стен. Только вот столы всё также замызганы не очень-то взыскательными до чистоты клиентами. Пара разбитых бутылок на полу, опрокинутые в спешке бегства кружки и стаканы. Кто-то видно зацепился за оконную занавеску и сорвал её на пол. Впрочем, там ей и место. Она ничем не отличается от половой тряпки. Один из столов опрокинут и все нехитрые кабацкие яства размазаны по полу. И всё кругом засыпано серыми хлопьями вдруг осыпавшейся со стен и потолка краски. Из кухни доносится запах чего-то пригорающего.

– Когда дом задрожал, а Гарри заревел: «Все вон!», то тут было не до порядка, – пояснил Роджер. – Даже сильно пьяные вдруг оказались резвыми и приткими.

В ящике за стойкой буфетчика несколько серебряных декст и много медных солентино. Есть и несколько не вернских монет. Отсюда Гарри, вероятно, и улетел.

– Роджер, – обратился к старику Вик, – заведение осталось без начальника. Не смогли бы вы хотя бы некоторое время присмотреть за ним, если не пожелаете, вообще, заменить Генри? Вы ведь здесь старожила и обо всём в курсе.

– Не знаю, капитан, – как-то сразу приосанился от такого предложения дедок, – смогу ли. Можно попробовать, раз такой случай произошёл. Да и вы не Генри. Мне ничего не должны. Своё житьё здесь мне как-то отрабатывать придётся же. Не справлюсь – наймёте кого-нибудь помоложе.

– Вот и хорошо. Зовите всех со двора. Вроде никакой опасности нет.

Потихоньку, нерешительно люди со двора перетекли внутрь таверны. Повар бросился в свои владения и что-то зашкворчало на кухонной плите. Мужчины подняли стол, а дамы принялись подметать пол и протирать столы.

– Всем сегодня по бесплатной выпивке и закуске в память о покинувшем нас Гарри, – объявил Вик. Чем снискал себе одобрительные возгласы публики.

– Надо бы осмотреть остальное хозяйство, – предложил я. – Вдруг где-нибудь нас ждут ещё сюрпризы.

– Верно, – согласился новый владелец таверны, – Синьор Герц, Жозеф, посидите, пожалуйста, пока здесь. Мы двор обойдём, посмотрим. Роджер!

Первым делом, взяв фонарь, спустились в винный подвал – тишина.

– Кто тут жил? Знаете, Роджер?

– Кто-то был, но наружу не показывался. Так, тенью мелькал. Гарри я не спрашивал. Не тот он тип, чтобы на чьи-то вопросы отвечать.

– Эй, есть тут кто? – крикнул в глубину подвала Вик.

Даже эхо не ответило.

– Ничего не чувствуете? – спросил я Арзона с Везером.

Они дружно помотали головами.

– Вообще, всё беспокоящее куда-то улетучилось, – ответил гном.

– Отлично, – проронил Вик, – значит, бесы нас покинули. Пойдём, посмотрим, что ещё пропало.

В складе пусто. Только прикрывавшие что-то пустые мешки валяются на полу. В домике Кристи тоже ничего и никого. Лишь пустота какая-то уж очень идеальная, неестественная. Словно тут и не жил никто. Вещи на местах, нигде ни пылинки и ни малейшего намёка на то, что буквально час назад тут кто-то жил. Столовая посуда в буфете, кухонная блистает первозданной чистотой, и нигде нет даже крошки какой-нибудь пищи. Или тряпочки, нитки, волосинки, свидетельствующей о живом человеке. Кто она – эта бесследная Криста?

– Как в старом, поющем городе, – пробормотал Роджер. – Вещи есть, а людей нет.

– А ты откуда о нём знаешь? – вскинулся Арзон.

– Э-эх, – только и выдохнул старый моряк.

– Ладно, идём обратно, – скомандовал Вик. – Огород проверять не будем. Вряд ли черти с собой тыквы да картошку забрали.

– Корова Кристи тоже пропала, – заметил Роджер, когда мы проходили мимо лужайки, на которой днём паслось это молоконосное животное.

В таверне всё уже поуспокоилось. Пол выметен, и буйства не наблюдается. Протрезвевшие матросы сидят группками за столами и что-то, лениво споря и оглядываясь по сторонам, обсуждают между собой. Общедоступные девицы собрались в обеспокоенный кружок и, видимо, тоже решают какую-то сложную для них задачу. Только вышибалы с невозмутимым видом расположились на своих табуретках по обе стороны буфетной стойки и изображают полнейшее равнодушие к происходящему. Присоединяемся к Герцу и Жозефу.

– Ну, что там? – спрашивает Герц.

– Всё тихо и спокойно, – отвечает Вик. – Похоже, что нечисть покинула это место и можно будет организовать вполне презентабельное заведение.

– И с чего начнёте?

– С мытья, чистки, кухни и слуг. Но не об этом же говорить среди ночи.

Одна из «грязных» девиц, видимо, та, что почище и побойчее отделилась от своей компании, нерешительно приблизилась к нашему столу и обратилась к Вику:

– Хозяин, а с нами что будет?

– Как тебя зовут?

– Люсия.

– Ты меня удивляешь, Люсия, – отвечает тот. – Я заведению хозяин, а не вам и судьбы вам не выбирал. Что хотите, то и делайте. Служанки понадобятся. Можете поговорить с Роджером. Он тут пока будет за старшего. Возьмёт на работу, если договоритесь. Только тогда свои нынешние манеры и наклонности придётся забыть. Во всяком случае, в рабочее время. Хотите промышлять собой, как и сейчас – промышляйте. Только приведите себя в более благообразный порядок. Грязных и неопрятных в «Приют моряка» пускать не будут. И своих клиентов водите куда хотите. Наверху будут помещаться только приезжие гости.

Девушка постояла в раздумье и вернулась за стол к своим товаркам.

– Думаете, сработает, Вик? – поинтересовался Жозеф.

– А я бы их просто разогнал, – высказал своё мнение Герц.

– Я им не надзиратель и не воспитатель, но прекрасно знаю, что с людскими пороками бороться силой бесполезно. Зато когда есть выбор между плохим и не таким уж и плохим, то многое меняется. А всё же не пора ли нам всем по домам? Уже утро скоро.

– Наверное, пора, – согласился я, – только вот выясню один вопросик, и пойдём. Роджер, вы тут упомянули о старом и поющем городе без жителей. Что это за странный город?

– Когда-то давно от другого моряка я слышал легенду о золотом городе где-то в горах. Этот город столетия назад по какой-то внезапной причине покинули жители, бросив всё своё имущество. И город после этого запел. Что это значит, я и сам не понимаю. Как город может петь? Но в легенде ещё говорится, что этот поющий город больше не подпускает к себе людей. Нагоняет в человеческую душу такой страх, что даже только издали увидевшие город, в панике убегают прочь.

– Это не легенда, – буркнул Арзон. – Страшный город и в самом деле есть далеко в наших горах. Мой дед говорил, что там раньше добывали золото. А я ещё в молодости увидел этот город довольно близко, но поспешил уйти, подгоняемый внезапно накотившим, необъяснимым страхом и болью в голове.

– Мне помнится, – вступил в разговор Герц, – ещё, когда строили водопровод к королевскому дворцу, были разговоры о каком-то мёртвом городе в горах. Какие-то рабочие, бродя в дальних окрестностях горного источника, от которого идёт водопровод, наткнулись на него. Но чем дело кончилось, я не помню. Скорее всего, ничем. Иначе были бы какие-нибудь сведения об этом городе. Что-то и мне хочется домой. А их величества, наверное, ещё не ложились и ждут доклада.

От «Морского дракона» и до калитки во дворик моего дома мы с капитаном Виком шли молча. Только когда я уже вставил ключ в скважину, владелец портовых кабаков спросил:

– Ты думаешь о том же, о чём и я?

– Естественно.

– И что?

– Нужно с Арзоном поговорить. Если он возьмётся проводить нас к этому поющему городу, то будет просто великолепно. Да и Везера неплохо было бы взять в спутники. Бродить по сказочным лесам и горам без местных провожатых было бы весьма опрометчиво.

– А если откажутся?

– Тогда пойдём одни вдоль водопровода, а там дальше уже как повезёт.

– Ну, что ж, пойдём, если что вдоль водопровода. Ты опять во дворе спать будешь?

– А где же ещё? Мою колыбельку-то вы оккупировали окончательно. Не драться же с вами из-за перины.

Утром мы встретились с Арзоном и Везером за завтраком в «Морском драконе». Везер уже сидел за столом, а Арзон, зевая, спускался со второго этажа, когда мы вошли в таверну. Поздоровались. Жанна мигом обставила нас тарелками и упорхнула. Народа в таверне порядочно. И тут я увидел знакомое лицо у буфетной стойки. Лицо о чём-то оживлённо беседовало с Колином.

– Крис, – позвал я лицо, когда оно повернулось в нашу сторону, – давай к нам!

Возчик приветливо кивнул всем, закончил разговор с хозяином таверны и подсел к нам.

– Вот, только что приехал, – сообщил он, будто мы сомневались в этом факте. – Уже и разгрузился. Как ты, Серж? Какие новости?

– Ты сначала познакомься с незнакомыми, а потом уж спрашивай о новостях.

– Познакомился, – заявил любитель новостей и носитель сплетен, обменявшись рукопожатиями с сидящими за столом.

– Одну новость – про портовую таверну Колин тебе уже наверняка рассказал.

– Рассказал.

– А вторая новость в том, что капитан Вик, наверное, захочет наладить снабжение свежими и хорошими продуктами для своего заведения. Ты можешь ему помочь?

– Запросто!

– Вот и хорошо. Когда мы покончим с завтраком, сходи с капитаном в порт и определись с тем, чего, сколько и когда ваша деревня будет поставлять для «Приюта моряка».

– Хорошо.

– И ещё одно. Вы с Колиным всех в городе знаете. Посоветуйте капитану Вику хороших мастеров для ремонта и обстановки таверны. Хотя она и выглядит теперь как новая, но не всё там в идеальном порядке. Вик, тех денег, что остались от покупки хватит на всё с лихвой. А пока вас нет, я поговорю с Арзоном и Везером о нашем деле к ним.

Вик быстренько завершил трапезу, поднялся из-за стола, поговорил о чём-то с Колином и Крисом у буфетной стойки. После чего они с возчиком вышли через заднюю дверь во двор.

– И какое у вас с Виком дело к нам? – поинтересовался Арзон. – Нам с Везером пора возвращаться в лес. Работы много.

– Ты думаешь, что просто так Серж сегодня ночью расспрашивал о поющем городе? – засмеялся Везер.

– Понятно, – погрузился старый гном, – хочешь, Серж, чтобы я был проводником?

– Не только. Мы бы не отказались, если бы и Везер составил нам компанию.

– Я не против, – оживился эльф.

– А я против, – скривился гном. – Дойти можно, а войти в город – нет. Какой смысл тащиться в такую даль?

– У меня другие мысли на этот счёт, – начал излагать я свою позицию в вопросе смысла бессмысленного. – По моему разумению невозможно войти в город, если он физически недоступен. Например, стена до неба, а ворот нет. Или не пускают под угрозой смерти. А по вашим с Роджером описаниям город открыт, никто не угрожает, но есть непонятное явление ужаса и боли при приближении к нему. Если непонятное изучить и понять, то в город и войдём. А если и не войдём, то хотя бы посмотрим издали. Всё равно интересно.

– Я согласен с Сержем, – поддержал меня Везер. – В любом случае интересно.

Арзон в сомнении помотал из стороны в сторону бородой. Тогда я выложил главный козырь.

– В общем-то, безвыходности у нас нет. Даже, если ты, Арзон, нас не поведёшь. Просто расскажи подробнее, куда идти от водопроводного источника, а там мы уж сами. Правда, Арзон, как ты будешь смотреть в глаза лесным жителям и людям, если мы заблудимся и погибнем.

– Это наглый шантаж! – взвился было старый гном и тут же стих. – Мне бы и самому любопытно было бы попасть в поющий город. Только вот интересно, как люди о нём узнали? Когда строили водопровод, то им было разрешено заходить в лес не дальше источника. Судя по тому, что говорил Герц, нарушили запрет. Но и легенда старого боцмана давняя. До водопроводная. С другой стороны, если это человеческий город, то к нему должен быть свободный доступ извне хотя бы по дороге. Слишком давно его покинули, и всё забылось, заросло. Дорогу не найти. И когда вы хотите двинуться туда.

– Давайте завтра утром. Вы утрясёте сегодня свои дела – мы свои и двинемся в путь. Что нам нужно взять в дорогу?

– Мы с Везером возьмём кое-какие инструменты, а вы с капитаном запаситесь провизией для всех дня на три-четыре. Здесь и встретимся.

Посидели молча ещё несколько минут и Арзон с Везером ушли. Правда, поскучать пришлось недолго. Вернулись Вик с Крисом.

– Договорились?

– Договорились, – подтвердил Вик, – А лесные люди где?

– И я тоже договорился с ними. Завтра утром собираемся здесь. Крис!

– Да?

– Ты можешь не уезжать до завтра? Нам нужно, чтобы кто-нибудь нас довёз до гор.

– Нет ничего проще. Заночую здесь.

– Отлично.

Мы с Виком заказали к утру у Колина продукты для четверых на четыре дня и отправились домой.

– Вроде нам сегодня тут нечего делать по-крупному. Разве что у вас, Вик будут какие-нибудь неотложные хозяйственные дела. А мне нужно сходить в Питер. Обещал Арзону и Везеру снабдить их швейной машинкой для образца. Возможно, у них получится что-то подобное воспроизвести здесь.

– Надеюсь, ты не собираешься притащить им электрическую машинку?

– Вам бы всё только шутки, Вик. А вот мой пошивочный бизнес существует под спудом низкой производительности. Да и вам – следовало бы заглянуть домой. Нам может потребоваться большой бинокль. Если всё же не удастся подступиться к поющему городу, то хотя бы издали рассмотрим его хорошенько.

– Ладно, ладно, я разве против? Заодно и к Стелле заглянем. Я в нашей конторе уже давно не был. Пошли!

В офисе «Электрона» обычная толчея заказчиков. Стелла занята с кем-то из них, и мы не стали её отвлекать. Секретарша Лиза ничего срочного и беспокоящего не сообщила, и мы разошлись. Капитан домой, а я проторённой тропой двинулся в комиссионку. Разумеется, не в ту, куда мы поставляем золотишко. Странно в глазах подпольных клиентов выглядели бы поиски задрипаной швейной машинки дельцом, который ворочает центнерами золота.

Швейных машинок оказалось хоть завались. Всяких разных, но мне нужен старенький, универсальный Зингер, который можно поставить и на обычный стол, и на специальный столик с педалью для вращения шпинделя. Таких оказалось две. Состояние не ахти, но вроде обе работают. Однако выбирать было не из чего. Одна из них уже ножная в комплекте с чугунным столиком и тащить такую тяжесть с собой, смысла нет.

– Мне важно, чтобы она была в рабочем состоянии, – заявил я продавцу.

– Сейчас проверим.

Мигом нашлись нитки и тряпочки. Работает!

– Давно она у нас стоит, – посетовал продавец. – Зачем только директор берёт такое на комиссию, когда новых электрических и более дешёвых полным полно. Вы что, для бабушки берёте?

– Нет, для театра. Нужен работающий реквизит.

– Тогда понятно. А что за постановка? Может билетик презентуете на радостях счастливой находки?

– Постановка «Волшебный портняжка», а билетика не презентую – нет их. Репетиции ещё даже не начались.

С трудом доволоч эту тяжесть до Дома. Позвонил Капитану и когда он переодетый во что-то походное, явился ко мне со своим громадным биноклем – отправились обратно в Верн. Тут опять разделились. Капитан, но теперь уже капитан Вик отправился благоустраивать своё новое приобретение, а я, как проклятый потащился с этой тяжелой машинкой в лавку гномов. Арзон и Везер ещё не успели уехать в лес, но как видно уже вот-вот собирались. Грузили что-то в маленькую, ещё ничем не запряжённую тележку.

– Вот, получите, – как бы обрадовал я их, грохая свою ношу на стол.

Оба лесных жителя мигом столпились вокруг меня, с интересом разглядывая неведомую штуку. Понятно, что раз есть ручка, то её непременно нужно вертеть для получения эффекта. Чем оба первым делом и занялись. Конечно, интересно как находящаяся сверху иголка быстро делает тырк-тырк в нижнюю дырочку.

– И что дальше? – поинтересовался Арзон.

– Нужно нитки зарядить.

Зарядил, подложил пару тряпочек, опустил ножку.

– Крутите.

Арзон покрутил, и тряпочки сами побежали вперёд, обретая строчку сшитой ткани.

– Здорово! – оценил работу машинки Везер, пробуя тряпочки на разрыв. А кожу сшивать можно?

– Наверное, можно. Только иглу надо потолще. Вот я захватил с собой несколько.

Между тем, сообразительный Арзон отвернул защёлки на основании, завалил механизм на бок, и, вертя ручку, изучает, как там крутится шпиндель и бегают туда-сюда шпулька.

– Здорово, – согласился он с Везером, – и не так уж и сложно. Есть над чем подумать.

– Думайте, – напутствовал я эту пару и потихоньку отчалил домой.

Утром не успели мы с капитаном Виком дойти до «Морского дракона» как нас нагнали Арзон с Везером, сидящие в своей маленькой тележке, запряжённой тоже маленькой, симпатичной лошадкой с большими, добрыми и весёлыми глазами. Не пони. Где это они взрастили или добыли такую симпатягу?

– Мы специально выехали из леса пораньше, чтобы позавтракать вместе со всеми.

Во дворе таверны Крис принял от Везера повозку, выпряг лошадку и увёл её в конюшню. Лесная братия перегрузила свои котомки в повозку Криса и через минуту мы все уже поглощали яичницу с ветчиной. А ещё через четверть часа весь персонал «Морского дракона» высыпал во двор, провожая наш отъезд самыми разными пожеланиями. Но лишь только одна Жанна сказала, напутственно целуя всех подряд, что-то в действительности ценное для нас:

– Возвращайтесь скорее!

Королевский волшебник помахал нам рукой из окна своего дома, когда мы проезжали через Королевскую площадь. Выезжали не через главные, а боковые ворота, которые поближе к морю и буквально локтей через триста, совершив вслед за дорогой крутой поворот влево, уже въезжали в старый лес. Мощные деревья, простирающие свои ветви над дорогой, низкая лесная трава, проблески солнца сквозь густую, ещё не опадающую листву и просто одурманивающее своим разнообразием и мелодичностью пение птиц.

Дорога мощёная и определённо наезженная. Слева вдоль неё тянется медная, позеленевшая труба диаметром сантиметров пятнадцать, опирающаяся через каждые десять локтей на каменные подкладки. Давление в трубе, похоже, не маленькое. Кое-где капает в соединениях, а изредка прорываются и тонкие, длинные струйки.

– Эта дорога идёт к границе с Корунной, а за Корунной лежит Либра и ещё дальше Альгамара. Сейчас никого не видно, потому что выехавшие утром из Корунны путники досюда ещё не добрались, – объясняет Везер. – Мы так никого и не встретим. Нам скоро сворачивать.

И в самом деле, минут через десять трубы водопровода свернули к низким горам, похожим на простые, зелёные холмы, которые мы видели, выехав из городских ворот. Тут же начался и едва ощутимый подъём вверх. Вдоль трубы уже не дорога, а петляющая вместе с трубами между деревьев широкая тропа. Впрочем, повозка Криса проходит по ней совершенно свободно.

– К вечеру должны добраться до источника, – высказал предположение Арзон, по праву старшинства, сидящий на козлах рядом с Крисом.

И опять скрип колёс, и убаюкивающее пение птиц.

– Арзон, расскажи, как ты оказался у поющего города? Как он выглядит и о чём поёт? – попросил Вик.

– Не поёт он ничего. Во всяком случае, при мне не пел. А привело меня к нему любопытство молодости. Когда дед рассказывал мне об этом городе, то и нарисовал на песке, где тот находится, а я запомнил. Только лет через десять после смерти деда я отважился сходить и посмотреть на этот диковинный город. От нас он в двух днях неспешного пути. Да и от Верна тоже. Город, а, скорее, городок лежит в небольшой долине, похожей на неглубокую тарелку. Виден как на ладони с холмистых гребней, окружающих его. Или даже не гребней из-за своей отлогости, а словно ты сам сидишь или стоишь на краю огромной безлесной тарелки. А в центре её, где-то локтей за тысячу или две от тебя большие и маленькие дома, безлюдные улицы и площади. Посреди города какая-то большая арка выше окружающих домов. С чем-то внутри её, ярко сверкающим в лучах дневного солнца. Часть противоположного склона тарелки густо изрыта входами в шахты.

Я долго стоял, смотрел и ничего не происходило. Тогда и двинулся вниз. Уже через сто шагов на меня напало какое-то непонятное и беспричинное беспокойство. А ещё через сто настоящий ужас и паника. Голова стала как звенящий котёл, сердце бешено забилося. Было такое ощущение, что на меня вот-вот набросится кто-то большой и страшный. Я опрометью бросился назад. И ещё не добежал до края тарелки, как то, что толкало меня прочь, вдруг резко прекратилось, словно оборвалось. Я обернулся. За мной никто не бежал и я никого не чувствовал поблизости, кроме вездесущих мышей. Какое-то неизвестное мне колдовство. Не зря ведь люди покинули это место. Сильное заклятье на него наложено. Чем-то жители прогневали богов.

– Да-а, – протянул Вик, – любопытная история. Мне становится всё интереснее и интереснее.

Тени деревьев стали очень длинными, когда мы со скрипом подкатили к источнику. Водопровод начинался широкой, медной воронкой, в которую скатывался со скалы довольно-таки не слабый поток неширокого, но полноводного ручья. Даже, пожалуй, очень полноводного ручья. Труба не поглощала и четверти текущей воды, переливалась через край воронки и извилистым путём убегала по камушкам куда-то в сторону.

Крис распряг лошадь и пустил её щипать травку. Арзон с Везером принялись развязывать мешки с провизией.

– Интересно, что там Колин собрал нам для пропитания? – копаясь в мешках, бормочет Арзон. – Нужно ли разогреть? Так, не обязательно, но можно. Серж, Вик, соберите дров. Дай им топорик, Везер, и разжигай костёр.

Огоньки весело лижут собранные ветки и сучья. А мы все, как рыбаки с удочками. Сидим каждый со своим прутиком, с нанизанным на него кусочками жареного мяса и греем его над пламенем.

– Как-то беспокойно мне всё-таки, – говорит Арзон, осторожно, чтобы не обжечься, обкусывая свою порцию. – Когда случайно сталкиваешься с непонятным и угрожающим, то не успеваешь испугаться. А когда сам лезешь в неприятности, то заранее жутковато.

– Но с тобой же ничего не случилось, – замечает на это Везер.

– Так-то оно так, но всё равно не по себе. Проклятое любопытство! До седой бороды дожил, а покоя так и не нажил.

– Ты не один такой, – успокоил его Вик. – Вон Серж ни одной щели не пропустит, чтобы не сунуть в неё свой нос.

– Ха, кто бы говорил, Вик, про носы и щели. Куда мне до вас! Это же надо было удумать – позариться на прибежище чертей и бесов в порту.

Все дружно рассмеялись.

– А ведь и в самом деле, Вик, – подзадорил его Везер, – выглядишь ты внешне солидно, уважюще, но, похоже, что из всех нас в действительности ты самый заядлый авантюрист. Расскажи-ка нам какую-нибудь захватывающую историю из своей жизни.

– Историю? – не стал ломаться Вик. – Морскую или сухопутную?

– Морскую, конечно. Сухопутная и так нас уже ждёт.

Вик помолчал немного, переключаясь в голове с места на место свои истории и начал:

– Было это довольно давно. Я ещё и капитаном не был, а плавали мы в южных морях. Что такое южные моря вы все, конечно слышали. Неимоверная жара, бешеные бури, огромные волны и миражи, миражи, миражи. Шли мы за хлопком на плантации острова с названием Крузейра. По карте он должен был уже часа через два-три появиться на горизонте. Шли на Крузейру впервые, а карта говорит о не очень-то простом входе в бухту – кругом рифы и мели. И в самом деле, где-то через час на горизонте появился и начал приближаться какой-то остров.

– Что за чёрт! – удивился наш капитан, разглядывая остров в подзорную трубу. – Странный какой-то остров. Или мне мерещится, или у нас прямо по курсу очень редкое явление – надводный мираж.

И действительно, остров как бы слегка мерцает и колеблется, становясь видным то совершенно чётко, то несколько расплывчато. Причём всё больше увеличивается в размерах с нашим приближением. Это не характерно для обычных миражей, висящих в воздухе. Те висят себе и висят, не меняясь в размерах. Сколько ни плыви к ним – никогда не доплывёшь. Надводный мираж совсем другого свойства. Это поднявшийся от поверхности воды плотный столб мельчайших капелек, неразличимых глазом. Вот в этом столбе, как в линзе и появляется отражённое в горизонтали и не перевёрнутое изображение чего-нибудь не очень далёкого. А в отличие от обычного миража, надводный мираж стоит на месте, и в него даже можно вплыть. Тогда изображение пропадает, а всё кругом становится влажным от осевших капелек воды.

Вот такая картина и оказалась перед нами. Несёмся под всеми парусами прямо к ней в то место, где видны расступающиеся берега. Вот бушприт и нос уже погрузились в мираж, и картинка пропала.

– Все на ванты! – раздался неожиданный рёв капитана. – Спустить паруса!

Ещё никогда эта команда не выполнялась так скоро. Но всё равно на исходе движения по инерции судно слегка процарапало килем песчаное дно у берега, к которому мы летели на всех парусах. Когда осмотрелись вокруг, то оказалось, что мы стоим в бухте Крузейры. За кормой узкая щель входа в неё и дальше безбрежный океан. После мы долго гадали, что же это было за явление. Ещё никто не описывал такой штуки, чтобы предмет, который послужил

отражением для миража, оказывался внутри самого миража. И как это так нам повезло вслепую влететь в узкий пролив, а не врезаться во внешний берег? Вот такая история.

– Крис, закрой рот, а то муха залетит, – скомандовал Арзон. – Красивая история на сон грядущий. Давайте устраиваться.

На следующее утро после завтрака, Крис отправился в обратный путь. Ещё довольно долго слышался издали скрип колёс его повозки. Но и он, в конце концов, затих. Молча разделили поклажу и двинулись вверх по лесистому склону.

Арзон, несмотря на почтенный возраст и коротенькие ножки, бойко и уверенно вёл нас за собой. Даже не приходилось придерживать шаг. Идти приятно, словно мы на прогулке. Удивительно обилие жизни вокруг. Птицы само собой, а другая, наземная живность то тут, то там попадает на глаза, совершенно не пугаясь нас. Зайчишки что-то грызут, смешно шевеля усами. Еноты, перестав копать в земле, провожают нас словно удивлёнными глазами.

Склоны настолько пологие и ровные, что подъём на них почти незаметен. К полудню перевалили уже два холма и взойшли на третий. Арзон остановился и начал обозревать дали.

– Похоже нам туда, к горе со словно обрубленной вершиной. Да, точно туда. На вершине нет деревьев, как на других – она. Пожалуй, к вечеру доберёмся. Давайте перекусим. Ужинать будем уже на месте.

Однако планы достижения цели чуть не утонули в глубокой и довольно широкой, стремительной реке, протекающей между холмов.

– Арзон, про реку ты ничего не говорил, – упрекнул старика Везер.

– Сам её впервые вижу. Я ведь шёл с другой стороны. Надо искать или расширение реки с бродом, или камни в русле. Вплавь, пожалуй, опасно. Унесёт неизвестно куда. Давайте пойдём вверх по течению.

С час продирались по берегу через густые кусты, запустив капитана Вика вперёд для протаптывания тропы.

– А это что такое? – вдруг остановился он.

– Похоже, что когда-то был мост, – как бы про себя пробормотал Везер.

И в самом деле, когда-то был. Мощная, замшелая арочная кладка из нетёсаных камней. Каменный парапет высотой почти до пояса. Между камнями мостовой прорастает трава и кое-где тоненькие, чахлые кустики. На той стороне реки то же самое и между тем и этим провал шириной метра три. Обломки моста торчат из воды. Если на самом сооружении мостовая шириной метра два с половиной хоть и заросла травой, но явно видна, то продолжаясь на берегу уже неразличимо исчезает под слоем нанесённой земли и растительностью. Едва-едва угадывается, что когда-то очень давно здесь проходила дорога. Угадывается лишь потому, что, если внимательно присмотреться, то деревья словно выстроились вдоль какой-то, довольно далеко просматриваемой линии. Наверное, дорога мощёная.

– Нужно поспешить, – забеспокоился Арзон, доставая свой топорик. – Иначе до темноты не доберёмся. Везер, начинай рубить те, которые толщиной дюйма три-четыре, а мы с Сержем будем настилать. Вик, вот тебе мой топорик. Будешь укорачивать то, что свалит Везер до десяти локтей.

Чёрт, брёвна хоть и тонкие, но тяжёлые. Вику за Везером не угнаться. Эльф буквально дюжиной ударов своего топора валит дерево. Вику на укорачивание ствола нужно намного больше времени. Мы с Арзоном тащим очередной ствол на мост, ставим стоймя и валим на ту сторону.

– Сколько ещё нужно? – кричит нам Везер.

– Ещё штук пять-шесть, – отвечает Арзон.

Последнее бревно Везер с Виком приволокли сами. Настил плотно улёгся между паркетами. Уселись отдышаться.

– Если судить по направлению дороги, то она должна идти к морю. Тогда мы её где-то пересекли и не заметили, – в раздумье произнёс Арзон.

– Почему ты думаешь, что к морю, а не к Верну? – поинтересовался я.

– Верна тогда ещё не было. А двигаться нам всё же надо. Солнце вон уже где. До темноты можем и не успеть. Хотя сейчас легче будет идти. Главное – дорогу не терять и она приведёт, куда нужно. На проверку направления не потребуется время тратить.

– А может быть, нам здесь остановиться до завтра, чтобы в темноте не оказаться?

– Не может. Провизии у нас на лишний день нет.

По старой дороге и в самом деле идти легче. Не нужно вилять между деревьев. Ускорили шаг. Теперь уже не до глазения по сторонам. Встретился маленький, горбатый, каменный мостик-труба через ручей. Около него видно, что и, в самом деле, дорога мощёная. И опять камни скрылись под слоем земли. Становится трудновато поддерживать быстрый темп ходьбы. Арзон заметно устал, но держится. Быстро темнеет. Солнце с трудом освещает дорогу не сверху, а сбоку едва пробиваясь через толщу стволов и крон.

– Вроде бы последний склон, – шумно дыша, произносит старый гном.

Взбираемся на гребень, когда солнце уже ушло за горизонт. Перед нами тёмная чаша долины. Солнца уже нет, а луна ещё только поднимается. Тишина. Дорога впереди исчезает в темноте, проходя в ложбине гребня.

– Здесь и остановимся, – распоряжается Арзон, спускаясь немного назад и сбрасывая свой мешок на землю. – Давайте разводить костёр.

Молча что-то жуём и чем-то запиваем. Сидим с полчаса, тупо глядя на костёр. Ужасно хочется спать. Начинаю расправлять свою подстилку. Остальные тоже зашевелились. Вдруг Везер замирает, прислушиваясь к чему-то.

– Что это? Он и в самом деле поёт!

– Я ничего не слышу, – отвечает Вик.

– Похоже, Везер прав, – поддерживает эльфа Арзон. – Ничего опасного не чувствуется. Давайте выглянем.

Поднимаемся на гребень. В свете поднявшейся луны чаша долины, как на ладони. Теперь уже и нам с Виком слышно. Тихий, мелодичный, приятный для слуха звон. Нет, не звон колокола или колокольчика. Словно кто-то ударил в большой китайский гонг и этот звук не угасает. Он только становится чуть громче или тише. Чуть выше или ниже по тону и не замирает окончательно, как при ударе в гонг. Чарующая мелодия из одной ноты. Откуда она идёт не определить. Вся чаша долины наполнена этим пением.

– Ну, вот, Арзон, а ты говорил, что город не поёт, – шепчет Везер.

– Не пел. Я здесь был днём, а сейчас ночь, – тоже громким шёпотом отвечает тот. – Странная музыка.

– И таинственная, – добавляю я.

– Не зря пришли, – обрадованно заключает Вик. – Что будем делать?

– Спать, – решительно отвечает Арзон.

Сползаем с гребня и заворачиваемся в свои подстилки. Усталость берёт своё, и я проваливаюсь во временное небытие.

Солнце пробивается сквозь опущенные веки и птицы тоже сигналият, что пора вставать. Костерок уже горит и Вик с Арзоном что-то колдуют у него. Завтрак готов. Чувствуется во всех какое-то напряжение и стремление побыстрее покончить с обязательными, неизбежными делами.

Покончили и взобрались на гребень. Никакого пения нет. По очереди долго рассматриваем город в бинокль Вика.

– Отличная вещь, – хвалит оптику Везер, передавая бинокль мне.

В свете солнца разглядываю двух – трёхэтажные дома, довольно широкие улицы, небольшие площади. Некоторые площади, похоже, даже с фонтанами и какими-то статуями. Много одичавших садов и садиков, заросших лужаек между домами. Сами дома светлого камня явно давно заброшены, но очень хорошо сохранились. Между плитами мостовых высокая трава, а стёкла домов серые от вековой пыли. Но со стёклами домов очень мало. Рамы окон и двери почти везде давно вывалились. В центре города большая площадь с каким-то храмом. Тут же, рядом с храмом внушительная арка. Похоже, что это какой-то памятник. Внутри арки на цепях в углах, словно растянутый этими цепями в четыре стороны висит сверкающий золотом диск. Если хорошо навести бинокль на резкость, то можно различить на диске изображение какой-то диковинной летящей птицы вроде павлина на фоне стилизованного солнца. Арка высотой с трёхэтажный дом. Так что, если взять это для сравнения, то диск должен быть метров пять-шесть в диаметре. Возвращаю бинокль владельцу.

– Ну, что, – спрашивает Вик, – пойдём? Вроде всё спокойно.

– Пойдём, – неохотно соглашается Арзон. Эй-эй, Везер, не трогай мешки. Пусть здесь остаются.

– Почему.

– На всякий случай. Без них бежать легче.

Медленно спускаемся в тарелку долины. Ничего. Только жарковато. Спокойно идём дальше, удаляясь от гребня шагов на триста. Лёгкий ветерок прилетает, немного развеивая жару и освежая кожу. Страх и ужас наваливаются внезапно, парализуя волю. Кровь в голове начинает молотом бухать в стенки черепа. Глаза стремятся вылезти из орбит. Вижу, как лицо Везера искажает страшная гримаса. Арзон словно оцепенел, сжав зубы. Вик опомнился первым, схватил гнома поперёк туловища и со стариком подмышкой стремительно понёсся туда, откуда пришли. Мы с Везером за ним.

На гребне остановились. За нами никто не гонится, кровь в голове не бухает и страха как не бывало. Может быть, даже лишнее пробежали обратно. Однако проверять, где лежит граница страха, нет никакого желания.

– Вот так, – констатирует оживший немного Арзон. – Дальше не пройти.

– Что это было? – ни у кого спрашивает Везер.

– Что, что? Заклятье или проклятье, – отвечает Арзон.

– Нужно подумать заклятье ли, – с сомнением в голосе говорит Вик. – Что-то вроде бы знакомое есть в этом, но условия совсем какие-то не те – странные и непонятные. Всё не так, как могло бы быть.

– Любопытно, что это вам пришло в голову Вик? – спрашиваю я, садясь на траву.

Остальные тоже опустили на землю.

– В южных морях часто ходят разговоры о вдруг возникающей во время шторма панике, ужасе, который лишает человека рассудка и побуждает его броситься за борт. Не раз встречали плавающие суда, брошенные командой. Учёные говорят, что такое может случаться с людьми в жестокий шторм. Когда ветер очень силен, а волны велики.

– Да, я читал об этом где-то тоже. Инфразвук.

– Вот-вот. Ветер, создающий вихри между волн порождает инфразвук. Но здесь нет ни бури, ни штормового ветра, ни морских волн. А вот ощущение кошмара, расстройство организма есть.

– Что это такое – инфразвук? – чуть ли не в один голос спросили Арзон с Везером.

– Серж, попробуй, объясни это попроще. У тебя это хорошо получается.

– Ладно, попытаюсь. Что такое звук вы знаете.

– Ещё бы, – хмыкнул Везер.

– Вот именно. И бывает он разный. Тонкий и толстый. Звонкий и глухой. Высокий и низкий. Человек слышит не все звуки, какие существуют в природе. Если звук тоньше писка

комара, то человек его не слышит и, если звук ниже буханья большого барабана, то тогда тоже не слышит.

– И что из того? Не слышишь ты его и ладно.

– Очень многое из того, Везер. Ты ведь радуешься или грустишь, когда слышишь музыку. Это значит, что звук действует на организм. Неслышимый звук тоже действует на организм, но не через уши. От очень низкого, неслышного звука выходят из строя внутренние органы. В первую очередь мозг и сердце. Если такой разрушительный звук очень силен или действует долго, то человек может не только почувствовать страх, но и умереть быстро или медленно.

– Этого ещё не хватало! Неужели, правда? Но, если, правда, то откуда этот ваш инфразвук здесь. Ведь нет ни моря, ни сильного ветра.

– Верно. Нет ни моря, ни ураганного ветра, которые существуют в природе. Но также, как ты делаешь виолу со струнами, дающими слышимый звук, можно построить и машину, инструмент, дающие неслышимый звук. Капитан Вик намекает на то, что здесь дело может быть совсем не в заклятье. Кто-то постарался сделать машину, создающую инфразвук и поставил её в городе, чтобы отпугивать любопытных.

Арзон мрачно взглянул на Вика и спросил:

– А в вашей стране такие машины есть?

– Бывают. Случайно появляются и наносят много вреда. Боремся по мере сил. Низкий звук в машинах возникает против нашего желания. А специально делать машины для получения инфразвука запрещено.

– Если ты прав Вик, то вы нас с Везером сильно озадачили. Может, в городе вместо заклятья и есть машина, пугающая нас, но мы же не можем к ней подойти, чтобы сломать. Сами же говорите, что она может и убить на расстоянии. С заклятьем хоть можно разделаться другим заклятьем, а тут...

– Как такая вредная машина может хоть выглядеть? – спросил Везер, берясь за капитанов бинокль.

– Кто его знает! Высматривай что-нибудь необычное, а я, пожалуй, схожу всё-таки проверю, где начинается это безобразие.

– Ты с ума сошёл! – воскликнул Арзон.

– Вряд ли, – откликнулся Вик. – Серж очень осторожен. Пусть идёт.

Шагах в ста от края долины я ощутил смутное и беспричинное беспокойство. Ещё через десяток шагов беспокойство усилилось. Ещё через двадцать стало почти невыносимым, и я поспешил назад. Беспокойство быстро спало.

– Ну, что? – поинтересовался Вик.

– Картина всё страннее и страннее. Инфразвук, говорят, почти не встречает сопротивления в атмосфере и распространяется очень далеко. По тому, что мы все ощутили он очень сильный и не мог бы заметно ослабнуть к краю долины. А ведь здесь, на краю его совсем нет. И там, куда я сейчас дошёл он по силе изменяется очень резко. Словно что-то не природное ограничивает его распространение.

– Или, наоборот, природное, – тихонько подсказал умудрённый жизнью Арзон. – Звук может отражаться.

– Точно! – воскликнул Вик. – Чашеобразная форма долины. Собирает всё в пучок, как вогнутое зеркало.

Я подошёл к Везеру.

– Ну, что ты насмотрел интересного?

– Почти ничего. Странно, что среди маленьких входов в рудник на той стороне долины есть одна огромная дыра. Почему? А в городе ничего странного не видно. Только корова.

– Какая ещё корова?

– Обыкновенная корова – с пятнышками.

– Где? Дай взглянуть!

– Вон там, почти в середине города, на лужайке.

– Да, действительно, корова. Инфразвук не действует на многих животных. А некоторые могут даже его создавать. Ничего странного в корове нет.

– Может быть, ничего в самой корове странного и нет, но её кто-то должен доить и кормить сеном зимой, – тихо заметил Везер. – Ей неоткуда здесь взяться самой или выжить в одиночестве сотни лет.

Повисло минутное молчание.

– Ты хочешь сказать, что там есть человек, на которого инфразвук не действует?

– Или люди, но я их не видел.

– Час от часу не легче! Если это так, то нам не дадут приблизиться к машине даже, если мы всё-таки её обнаружим.

– Известно, что мужчины не любители возиться с коровами, – подметил Арзон.

– Женщина? Всё ещё больше запутывается. Что будем делать прямо сейчас? – спросил Вик. – Арзон правильно вчера заметил, что наше пребывание здесь ограничено запасами провизии. Или завтра мы уйдём отсюда ни с чем, или прорвёмся в город и начнём доить чужую корову. А может быть, послать Везера на охоту за дичью? Кто за какой вариант?

Опять наступила пауза. Только Арзон тяжело вздохнул.

– Понятно, – оценил коллективное молчание Вик. – Все хотят молока. Тогда нужно шевелиться. Серж!

– Пойдём на ту сторону. Осмотрим рудник. Может, там какой-нибудь ключик найдём, и хоть что-то станет понятнее.

– Пойдём. Только вот удастся ли подойти к руднику, – засомневался Везер.

– Может и удастся. Долина, сам видишь, не идеально круглая, а продолговатая. Город ближе к нам, чем к руднику. Так что от противоположного края до опасной границы должно быть дальше, чем здесь. Во всяком случае, на это можно хотя бы надеяться.

– Да, если источник инфразвука в городе, а не в той дыре на другой стороне.

По краю долины, огибая город, пошли на ту сторону. Добрались за час и стали с опаской спускаться к выработкам. Спустились ниже рудника, не дойдя сотни шагов до какого-то каменного строения с большой трубой. Почувствовали себя плохо, и отошли назад.

– Если это золотой рудник, то, наверное, в том строении с трубой была плавильная мастерская, а, может быть, и чеканка монет. Жаль, что дотуда не добраться. Давайте полазаем по выработкам.

Полазали. Ничего интересного не нашли. В большой пещере почти начисто сгнившие обломки деревянных тачек и тележек с ржавыми железными колёсами. Снаружи тут и там на камнях валяются такие же колёса, превратившиеся в коричневую труху ржавчины. Деревянные детали средств малой механизации здесь не сохранились. Никакую звуковую машину и не искали. Понятно, что она в городе. Но где?

Взял у Вика бинокль, и начал изучать город с этой стороны. Корова лежит на лужайке и занята своей непрерывной жвачкой. Окна храма в центре должно быть красивые, если их отмыть от пыли. Похоже, что витражные. Только цвета под грязью не разобрать.

С этой стороны видно, что золотой диск в арке не плоский, а выпуклый и край диска загнут в эту сторону. И всё также никаких признаков живых существ. Кроме коровы, конечно. За чертой города кладбище. Сравнявшиеся с землёй могилы и покосившиеся кресты. А это что такое? Свеженасыпанные холмики! Разрывали или зарывали? Скорее, зарывали. Если бы цель была разрыть, то обратно зарывать смысла нет.

– Не пора ли нам заправиться? – интересуется Арзон. – Обеденное время давно минуло. Пошли обратно.

И пошли. Только уже по другому краю. Когда проходили со стороны кладбища, я остановил всех.

– Видите? Свежие могилы. Стало быть, люди тут водятся. Или кто-то вроде людей. Коровы копать не умеют и мёртвых не хоронят. Только вот вопрос – кого хоронят?

В нашем лагере уныние. Пришли, хорошо перекусили и теперь под лучами заходящего солнца валяемся на траве, не зная, чем заняться. Одна мыслишка всё шевелится в голове, но делиться ей со всеми как-то пока не хочется. Слишком много вопросов возникнет, а у меня лишь шаткие догадки и предположения.

– Да-а, походили вокруг города, как кот вокруг сметаны, – чуть ли не с безнадёжностью в голосе произнёс Вик. – Так и уйдём отсюда не солоно хлебавши?

– Я же предупреждал, что поход сюда зряшный, – качая головой, ответил старый гном. – Что из того, что там окажется не колдовство, а какая-то вредная машина. Не подступиться.

– А мне жаль, что провизии мы с собой мало взяли, – пробурчал Везер. – Кто-то же в городе есть и как-то попадает туда. Обидно нам так возвращаться. Может, мне и в самом деле охотой заняться? А хлеб растянем, насколько получится. Ручей рядом. Так что не пропадём и за неделю. Ты как, Арзон?

– Как, как? Да вот так! Не обращайтесь внимания на мою воркотню. Как говорит Вик, не солоно хлебавши, уходить и в самом деле обидно. А что делать? Серж, ты что отмалчиваешься?

– Сегодня ночью пойдём на приступ.

Все на минуту замерли.

– Ты это серьёзно?

– Серьёзно, Арзон. Как стемнеет, и город запоёт, так и пойдём. Я буду впереди.

– Постой, постой, как это впереди? А мы? Вдруг помощь потребуется. Ты это кончай!

– Оставь его, Арзон, – вдруг повеселевшим голосом прервал гнома Вик. – Он знает, что делает. Просто нам пока ничего не скажет, чтобы потом внезапно удивить. Знаю я этого типа.

– А если город не запоёт? – поинтересовался Везер.

– Всё равно пойдём. Но лучше бы запел. Ветерок нужен, а он пока что дует. Так что должен город запеть.

Сидим на внутреннем склоне долины и смотрим, как уходят за горизонт последние проблески солнца. Яркий диск луны медленно поднимается всё выше и выше, но в долине ещё полная тьма. Ветерок ласково обдувает нас и...

И город запел. Сначала очень низко, на пределе слышимости, а потом чуть выше и выше потянул свою единственную, мелодичную и вибрирующую ноту. Какая нота? Какая октава? Не знаю. Может капитан Вик знает? Его же когда-то в детстве учили играть на рояле. И Везер, наверное, по-своему, но тоже знает. Впрочем, какая разница! Звук почти ангельский, хотя и низковатый. Все замерли, внимая ему.

– Ну, что? Идём? – встрепенулся Вик.

– Темновато ещё. Подождём, пока луна поднимется повыше.

Ждём. Арзон задремал. Да и у меня что-то веки слипаются. Везер трясёт головой, прогоняя сон. Один Вик настороже. Привык, однако, ночные вахты стоять. Вроде бы стало достаточно светло. Толкаю в бок Арзона:

– Пора. У вас верёвки в мешках есть?

– Конечно, есть.

– Возьмите с собой и один топор на всякий случай.

Подождали Везера, пока он бегал к мешкам, и двинулись вниз. Сто шагов – ничего. Двести – ничего. Перестал считать. Пение города становится всё ближе и громче, но не нарастает настолько, насколько следовало бы ожидать с изменением расстояния. Какой-то акустический эффект?

Входим в город и молча движемся посредине широкой улицы среди мёртвых домов, отбрасывающих чёрные тени. Жутковато. Выходим на главную площадь. Теперь уже все видят и поняли, что является источником звука. Подходим к диску в арке. Гудит. Причём не оглушительно. Мы можем говорить между собой, почти не повышая голоса. Однако отчётливо слышали звон от края долины, а это, наверное, с километр отсюда. Удивительно!

Диск висит низко. Даже Арзон дотянется рукой до нижнего края. Диск и в самом деле выпуклый и с загнутым сзади краем. Если не металлический бубен, то уж гигантский гонг точно. Прикладывая ладонь – вибрирует. Арзон с размаху стукнул в край диска кулаком. В пение диска ненадолго вторглась более высокая, дрожащая составляющая. Но быстро растворилась в основной ноте.

– А он, похоже, и в самом деле золотой, – пощёлкивая ногтём по краю, – сказал Арзон.

Я потрогал одну из нижних цепей. Как и ожидалось – она сильно натянута. Налёг на неё всем телом. Тон звука стал едва заметно выше. Похоже, моя догадка подтвердилась.

– Вот, пожалуйста, перед вами инструмент мелодичного звона и одновременно безжалостный убийца инфразвуком.

– Как это, как это, как это? – зачастил Вик.

– Довольно просто. Он работает, как струна. Чем больше струну натягиваешь, тем выше её звучание. Смотрите, как сильно натянуты ночью цепи, держащие диск. А звук хотя и очень приятный, но и очень низкий. Почти на нижней границе слышимости. Когда восходит солнце, диск под его лучами нагревается, расширяется, цепи удлиняются, ослабевают и диск меняет свой тон на ещё более низкий, уходящий в инфразвук.

Можно предположить, что раз здесь золотой рудник, то из гордыни жители решили поставить самим себе памятник из золота. Планировали ли они сделать его поющим – мы никогда не узнаем. Но две ошибки они совершили точно. Диск слишком тонок для такой большой площади поверхности. Завихрения малейшего ветерка заставляют его дрожать. И слишком велик. Колебания в нём очень низкого тона. Вот и возник сладкоголосый убийца.

– Если ты прав, то получается, что, как только эту штуку освободили от лесов, дунул ветерок и город почти мгновенно вымер, – сообразил Вик.

– Что-то вроде этого. Если это было в выходной день или праздник, то умерли, наверное, все. Если в рабочий день, то в живых остались те, кто был на руднике. Но войти в город они уже не могли.

– А ночью, как мы? – проронил Везер.

– Это уже насилие над моей фантазией. Связать явление с временем суток оставшиеся в живых вряд ли смогли бы. И если и зашли бы ночью, то утром умерли бы и они.

– Что будем делать-то?

– Как что? – вскинулся Везер. – Нужно эту штуку закрыть от ветра или чем-то заглушить. Можно сзади упереть бревном в середину, и оно не даст диску звенеть.

– Верно. Деревьев кругом полно. Срубить пару и кронами упереть в диск. Но тогда он и петь не будет. Можно сделать иначе. Привязать к нижним цепям дополнительные грузы. Когда днём цепи от тепла вытянутся и ослабнут, то диск будут напрягать грузы и колебания не уйдут в область инфразвука.

– С грузами – это удачная мысль, – одобрил Арзон. – С перспективой.

– Какой ещё перспективой? – удивился Везер.

– Такой, что, когда утром диск не замолкнет, тот, кто в городе выберется посмотреть почему. Тут-то мы его или их и накроем!

– Какой же ты, однако, коварный, Арзон. Но мне по сердцу такое коварство. Давайте за работу! – воодушевился Вик.

Пришлось расковырять лестницу храма, чтобы добыть две подходящие каменные плиты. Привязали их к цепям диска с каждой стороны, как висячие площадки. Распотрошили немного

и ограду храма. Камни из ограды навалили на висячие плиты. Наверное, почти по полтонны с каждой стороны. Должно хватить. Тон звука стал чуть выше.

– Прекрасно, – любитесь делом наших рук Вик. – Теперь давайте сматываться. Может, ещё успеем вздремнуть часок – другой. А когда солнце начнёт пригревать, нам на всякий случай лучше быть подальше отсюда. Сработает наша затея или нет – мы не знаем.

Два или три часа сна – это, конечно, безобразие, а не сон. Тем не менее, к восходу солнца мы, не выспавшиеся и голодные, уже стояли в долине на стошаговой отметке от края чаши. Солнечные лучи упали на город. Ждём. Ничего не происходит – город поёт. Проходит с полчаса – город всё поёт.

– Двинулись, – предложил Вик, – а то, как бы нам к приходу гостей не опоздать.

Рванули чуть ли не бегом. На площадь выскакивать не стали, а скрылись в зарослях ближайшего к арке с диском сада. Перед нами вся площадь, как на ладони. Ждать пришлось довольно долго. Ноги устали. Но, если присядешь, то ничего не видно за кустами. Арзон начал что-то бубнить себе под нос.

Однако дождались. Шагов, конечно же, за звоном не слышно. Поэтому визитёры явились из боковой улочки бесшумно словно привидения. Я чуть не вздрогнул. Какая-то совершенно нелепая, тощая фигура в длинном, сером балахоне. Ростом, похоже, мне по плечо. И женщина на полголовы выше своего спутника в неброском, аккуратном платье. Похоже, что молодая, если судить по походке. Лиц не видно. Подошли к диску и стали рассматривать камни, привязанные к цепям. Женщина потрогала верёвки. Оба обернулись, огляделись вокруг, и никого не обнаружив, переместились к храму и осмотрели разломанную нами ограду и лестницу. Затем вернулись к диску и устали на него.

Вик махнул рукой, и мы высыпались на площадь. Шагов за десять до этой пары они что-то почувствовали и обернулись. Действительно, молодая женщина. Вернее, симпатичная девушка, которую я уже когда-то встречал. Но взгляд приковывает лицо её спутника. Огромные, почти круглые, голубые, печальные и одновременно испуганные глаза. Длинный и тонкий нос, длинный и тонкий подбородок. Глубокие морщины на лбу. Не человек.

– Здравствуй, Криста, – произнёс Вик.

– Здравствуйте, капитан Вик, – слегка замешкавшись, ответила девушка.

– Как-то так получилось, что мы сегодня ещё не завтракали. Не угостишь ли нас молоком?

– Конечно, – последовал опять чуть задержавшийся ответ, и Криста двинулась к той улочке, откуда она несколько минут назад появилась. Нелепая фигура скользнула за ней.

Чистенький домик, чистенькая комната, чистенький стол. На столе молоко, сыр, творог, свежий хлеб и овощной салат. За столом мы все, Криста и неведомая фигура. Поговорили немного и о поющем диске. Ничего интересного местные жители о нём не знают.

– Ты хорошая хозяйка, Криста. Как у тебя здесь всё приятно и ладно!

– Спасибо, капитан Вик.

– А как ты тут оказалась?

– Нас с Уоли отпустили, а отца нет. Он на прощание сказал, что здесь, в этом городе никого нет и нам никто здесь жить не мешает. Мы и пробрались сюда.

– Отпустили? Кто отпустил? Ладно, не хочешь – не говори. Ты, оказывается, дочь Генри Рейна. А Уоли это он? – кивнул Вик на серую фигуру, с аппетитом грызущую сыр.

– Он. Уоли – домашний дух.

– А-а, понимаю. Это он жил в винном погребе?

– Жил и следил, чтобы вино не портилось.

– Полезная работа. Такой дух и мне бы не помешал. Ты колдунья, Криста?

– Немножко и не злая, – улыбнувшись, призналась хозяйка.

– Я так и подумал. Обычные люди ведь здесь жить не могут.

– Да, жалко их всех бывших. Особенно маленьких. Мы с Уоли собираем кости и хороним. С улиц уже убрали, а с домами это долго. Много их, – тяжело вздохнула Криста.

– Согласен. Печально, очень печально. Но ведь это не дело для молодой девушки. Хотя бы и немножко колдуньи. Не хочешь ли вернуться в Верн? Твой домик свободен. Корову с собой заберёшь. «Приютом моряка» теперь управляет Роджер. А ему, ой, как нужна хорошая помощница по всему хозяйству. Таверна будет совсем другой, чем раньше. Гостеприимной и весёлой.

– А Уоли?

– И Уоли.

– Я..., мы подумаем.

– Правда, я не знаю, как там с твоим колдовством. Серж, что ты скажешь.

– Королевский волшебник и главный министр не приветствуют колдовства в Верне. Криста, а зачем тебе, вообще, это колдовство? Выходи замуж, нарожай детей. Никакого колдовства для этого не нужно. И счастья колдовством не добьёшься. Плюнь ты на него. А будут трудности какие, так мы всегда поможем.

– Я подумаю.

– Подумай, а мы, пожалуй, пойдём. Спасибо тебе за угощение.

Уже в дверях Криста спросила:

– Капитан, а как вы узнали об этом городе?

– Из легенды. Нам с Сержем нравятся легенды, и мы им верим. Вот и зашли посмотреть. Бывает, что и легенды вновь оживают. Поющий диск нужно убрать или переделать, чтобы он никого не убивал и тогда люди опять сюда вернутся.

Вышли из домика и решили пройтись по улицам – осмотреться. Мостовые заросли травой, но если её скосить, то получится очень симпатично. Каменные плиты с зелёной окантовкой. Фонтан на маленькой площади – перекрёстке трёх улиц сухой и весь растрескался. Раз фонтан, то есть и водопровод. Хорошо.

Заглянули в один из домов. Тлен и прах. В комнате на полу кости взрослого человека. В обломках маленькой кровати и лохмотьях истлевшей ткани крошечный скелетик. Молча вышли.

– Какая трагедия! – вздохнул Арзон. – Такое никогда не забудешь.

Прошли город насквозь в сторону рудника. Нас интересует здание с трубой, до которого мы со стороны рудника не добрались. Деревянные ворота давно сгнили и рухнули. Скелетов внутри нет. Наверное, выскочили в панике, если был рабочий день. Большая печь, похоже, на древесном угле, потому что его не видно нигде. С каменным углём ничего бы не произошло. Валялся бы где-нибудь у печи. Каменные столы, тигли – огнеупорные ёмкости для плавки. На столе очертания того, что было когда-то кузнечными клещами. На маленьком столе у стены какие-то покрытые пылью бруски. Везер смахивает пыль – слитки золота. Шесть штук. Каждый весом килограмм пять с клеймом летящего павлина. Тут же много жёлтых шариков. Заготовки для чеканки монет?

В соседнем помещении останки большого винтового пресса и опять жёлтые шарики. Готовые монеты горкой лежат поодаль. Рассыпались, вероятно, когда мешок сгнил. На монете, с одной стороны, всё тот же летящий павлин, а на другой чей-то профиль. Надписей нет.

– Золото заберём или оставим? – интересуется Арзон.

– А кому оставлять? – вопросом на вопрос отвечает Вик.

– Значит, забираем. Каждый тащит своё.

Три слитка Арзону с Везером и три нам с Виком. Монеты отдали нам. А шарики Арзон забрал себе для изготовления украшений.

– А как же Криста? – вдруг вспомнил Везер. – Раз она в городе, то и ей доля положена.

– Вот, кто же тебя тянул за язык! – воскликнул Арзон. – Всё так прекрасно получалось, а теперь придётся ей два слитка отдать. Если монеты и шарики нам останутся. У меня сердце кровью обливается, как представлю её мучения с такой тяжестью.

– Ты прав, – рассмеялся Вик, – но всё же придётся её такой неприятностью огорчить. Надо заглянуть к ней. Что они там с духом решили?

Там всё было уже согласовано.

– Мы с вами! – объявила Криста.

– Замечательно, но два дня пути пешком через лес выдержите? А корова?

– Выдержим. И корова у меня хорошая, послушная. Мешать не будет.

Когда выходили из города Арзон обернулся, посмотрел на диск и с сожалением в голосе произнёс:

– Эх, сколько материала хорошего пропадает зря.

Так с коровой на верёвочке наша компания и вступила через два дня на Королевскую площадь. Жозеф торчал в окне своего дома. Видимо почувствовал наше приближение.

– Корова не из поющего города? – крикнул он нам.

– Оттуда, – ответил я.

– Поёт?

– Корова нет, а синьор Герц непременно запоёт, когда узнает, что мы там нашли.

– Я сейчас.

Тут у фонтана мы разделились. Криста, Уоли и корова пошли вниз по Королевской улице к порту. Арзон с Везером в «Морской дракон» за своей тележкой и симпатичной лошадкой. А мы с Виком во дворец. Не успели нам открыть, как Жозеф нас догнал.

– Куда всех собрать?

– Наверное, в комнате советов удобнее будет.

Минут через пять уже все расселись.

– Как я рада вас видеть, Серж и капитан Вик, – приветливо начала беседу Виолетта, – Странные события того вечера, как я понимаю, имели продолжение. Жозеф говорит, что вы разыскали легендарный поющий город. Как он?

– Поёт.

– Исчерпывающий ответ, – засмеялась Виолетта. – А корова, которую упомянул Жозеф тут причём?

– Ни при чём. Просто хорошая корова. Это Жозеф от зависти потешается над коровой, потому что его не пригласили в такое интересное путешествие. А если серьёзно, то...

Подробный рассказ занял больше часа. Все слушали, затаив дыхание.

– Вот, таким образом, мы и оказались час назад на Королевской площади с коровой на поводу. Мы не берёмся судить, насколько богат рудник. Мы забрали там рабочего золота где-то около ста фунтов в слитках, монетах и заготовках для монет. Неизвестно за какой период эта добыча. За день? За неделю? За месяц? Мне же кажется, что должно быть за какое-то не очень большое время. В мастерских готовое золото не хранят, а только то, которое в обработке. Да и золотой диск весом в тысячу фунтов просто висающий на площади, и приведший к гибели города сам за себя говорит. Может быть, там есть и хранилище готового к вывозу золота. Вик!

Вик вывалил на стол слиток с павлином и высыпал горсть монет.

– Никто не встречал такого клейма? Может быть, о нём где-нибудь упоминается?

– Интересный и очень печальный рассказ, Серж, – произнесла Виолетта, вертя монету в руках. – В один момент умер целый город. Но такой птицы я никогда не встречала. А вы, Герц? Тоже нет? Что же будем делать с найденным сокровищем? Синьор Герц!

– Тут и думать нечего. Нужно возобновить добычу.

– Казимир!

– Я того же мнения.

– Согласна. Дальше мы всё обсудим обычным порядком. А у вас, Серж, Вик, есть какие-нибудь пожелания, предложения?

– Два. Во-первых, диск в сегодняшнем состоянии оставлять нельзя. Любая случайность, неосторожность и история может повториться. Мы бы рекомендовали снять его и переплавить. Но в память погибших жителей нужно будет сделать что-то другое.

– Согласна. Синьор Герц, кому должна принадлежать эта находка?

– В наших законах ничего не говорится о притязаниях кого-либо, включая государство, на находки, не имеющие хозяина. Кроме самого нашедшего. Это как раз такой случай.

– Значит, золотой диск полностью принадлежит только тем, кто его обнаружил. После того, как будет определена его ценность, нужно будет рассчитаться монетами с нашедшими его. Сколько вас, Серж? Пятеро?

– Шестеро, – поправил Жозеф. – Они корову забыли приплюсовать. Она ведь тоже там была.

– Да ну, вас, Жозеф, – хохоча вместе со всеми, замахала на него руками Виолетта, – здесь Совет или что? Ой, не могу! Далась вам эта корова! Ладно, Серж, продолжайте.

– Мы думаем, что половину этого нам следует внести на восстановление поющего города. Остальное мы возьмём.

– Принято.

– И второе, но очень важное. Прежде чем открывать рудник и переселять людей в городе должна быть сделана хорошая чистка. Всё содержимое домов, пригодных для использования, должно быть вынесено, сожжено, а останки людей захоронены. Этого нельзя делать силами людей, которые будут там жить.

– Согласна. Мало радости жить в доме, если ты видел в нём скелеты бывших хозяев. Всё?

– Всё. Только синьора Герца мы хотели бы попросить поменять нам слитки на монеты.

– Нет препятствий. Можете прямо сейчас пройти со мной в казначейство, – с готовностью отреагировал Герц.

Попрощавшись с Виолеттой, Казимиром и Жозефом мы заглянули с Герцем в казначейство и нам отсчитали за четыре слитка пятьсот золотых с профилем Виолетты Вернской.

– Наверное, долю Кристи надо положить в банк, – предложил Вик. – Да и мою тоже. Не таскать же в карманах.

– Пожалуйста, как сказал Герц: «Нет препятствий». А если хотите, можете положить на мой счёт, а я, как и Жанну впишу вас в поручение о распоряжении капиталом. Будете пользоваться всем, что есть и будет.

– Жанна распоряжается всеми твоими деньгами?

– Может распоряжаться, если потребуется.

– Да ты просто бессребреник! А, может, легковёр?

– Не знаю. Я-то что! Вот один мой знакомый чудак как-то раз по одному моему слову припёр неведомо откуда целую четверть тонны золота и вручил мне без всяких условий и гарантий.

Мы переглянулись и рассмеялись.

Циммерман встретил нас с величайшим почтением. Открыл счёт в двести пятьдесят золотых на имя Кристи Рейн. Принял на мой счёт двести пятьдесят золотых Верна и взял на хранение четыреста восемьдесят золотых неизвестной чеканки с изображением летящего павлина. Потом принёс моё поручение, и я вписал в него Вика Андерсена. Банкир только покачал головой.

– Где будем обедать? В «Морском драконе» или в вашем притоне, Вик?

– Притон ещё не готов для изысканных обедов. Но в него потом заглянем. Посмотрим, как Криста устроилась. И корова тоже.

В «Морском драконе» больше необходимого не задержались. Вкусненько пообедали. Рассказали Колину некоторые эпизоды похода в поющий город. Обласкали взглядами прелести Жанны и получили от неё по два поцелуя по случаю возвращения. Вру. Вик почему-то получил три и сияет как начищенный грош.

В «Приюте моряка» закончили ремонт и уже обставили мебелью. Мне нравится. Стало как-то светло и свободно. Посетителей ещё не много, но франтовато одетые вышибалы внимательно наблюдают и за ними. Две из «грязных шлюх» одеты чисто и опрятно. Вроде, как и сами стали выглядеть посвежее. А две из их бывших товарок теперь в голубых фартучках пока ещё не очень ловко обслуживают столы. Роджер и Криста сидят в глубине зала, а с ними ещё и старшина цеха портовых грузчиков, имени которого я так до сих пор и не знаю.

– Альф Санчес, – представляет его нам Роджер.

– Премного рад, – трясая Вику руку, обрадованно восклицает старшина грузчиков. – В нашу первую встречу я не представился и, Бог знает, что подумал на ваши вопросы. А тут эвон, какая штука. Будьте спокойны, клиентов я вам буду направлять.

– Спасибо. И сами не забывайте заходить.

– Непременно. Ну, я пошёл, Роджер. Пока!

– Ну, как, Криста, договорились?

– Договорились.

– На какое жалование?

– Три дексты в месяц и кормление для Уоли.

– Это нормально, Роджер?

– Нормально. Мне-то вы положили пять. Криста старательная девушка и дело знает. Говорит, что вы нашли поющий город.

– Нашли. Потом расскажу. Извините, Роджер, нам надо с Кристой поговорить.

– Надо так надо, – поднимаясь со стула, произнёс старый боцман, – позовите, если что.

– Уоли доволен, Криста?

– Ещё бы! Он здесь так привык за много лет, что просто растерялся, когда нас отсюда унесли.

– А корова?

– Вернулась на свою лужайку. Только сено нужно будет докупать. Травы там маловато.

– Всё, стало быть, устроилось. Тогда я спокоен. У нас для тебя новость, Криста. Мы на руднике в поющем городе забрали немного золота. Ты там была и сама тоже могла бы его взять. Так что мы поделили всё поровну. Доля в двести пятьдесят золотых положена на твоё имя в банкирскую контору Циммермана. Можешь брать, когда хочешь. Так что ты и без колдовства богатая невеста.

– Спасибо, но я даже не знаю, что сказать.

– Тогда ничего и не говори, а мы с Сержем, пожалуй, ещё посидим, поболтаем с Роджером.

Криста ушла, а новый кабатчик, от скуки покружив по заведению, опять подсел к нам. Пришлось опять описывать свой недавний поход. А куда денешься? Всё ведь с Роджера и началось.

– Славное дело, – попыхивая трубкой, прокомментировал наш рассказ Роджер. – Кто бы мог подумать, что это всё не легенда. Хотя часто легенду от правды отличить сложно. Вот, например, как разговоры о блуждающем железном острове то ли в водах Верна, то ли неподалёку за ними.

Мы с Виком мигом наострили уши.

– Что это за блуждающий остров? Да при этом ещё и железный.

– А вы что, ещё о нём не слышали? В порту каждый что-нибудь да знает о нём. Если бы не пострадавшие от встречи с ним корабли, то все разговоры можно было бы принять за обыч-

ное, моряцкое враньё. Самому зреть этот остров мне не довелось, но от выдавших эту штуку можно бы услышать многое. Одни утверждают, что встретили в море чуть ли не плавающую железную гору. Другие клянутся, что это вовсе не гора, а низкий холм без растительности. Третьи будут уверять, что это целое железное поле, а от четвёртых вы узнаете просто о большой, железной бочке.

Так до сих пор и непонятно видели все одно и то же или совсем разное. Видели-то в разных местах. Но это всё больше разговоры. Есть только две записи в судовых журналах кораблей «Ласточка» из Альгамары и «Карузо» из Верна о столкновении с железным островом. Только вот на этих судах командам было не до разглядывания того, с чем столкнулись – суда бы спасти. Если поинтересуетесь у капитана порта синьора Бугера этими случаями, то он, наверное, сможет много больше меня рассказать.

Мы с Виком не преминули воспользоваться советом и, покинув «Приют моряка», двинулись в управление портом. Синьор Бугер оказался на месте и очень даже радушно принял нас.

– Как же, как же, железный остров давняя история и проблема не таких уж далёких вод. Видели его многие, но на карты нанести мы его никак не можем. Свидетельства не сходятся в месте, где его видели. Я уж не говорю о разнице описания острова. Сходятся только в одном – он голый. Вот лишь это и позволяет говорить о том, что железный остров действительно существует.

Капитан порта покопался в одном из шкафов, и разостлал на столе большую, тысячемильную карту моря.

– Вот, смотрите, этими точками с пометками дат я обозначил места, где видели этот странный остров. Совсем рядом с привычными морскими путями и даже кое-где прямо на них. И всё в разных местах. Два судна уже пострадали. Но это лишь те, о которых мы знаем. Случайность столкновения редкая, но всё равно неприятная.

– Я смотрю, – заметил Вик, – у вас между первой датой и последней промежуток почти пятьдесят лет. А вам самому, синьор Бугер много меньше того.

– Я понимаю вас, капитан Вик, – засмеялся капитан порта. – Конечно же, всё это случилось не только при мне. Просто я нанёс на карту события и со слов, воспоминаний, старых судовых журналов за последние пятьдесят лет. Если покопаться в более раннем времени, то, вполне возможно, что обнаружатся и ещё случаи. Наиболее много встреч с железным островом раз в год. Реже два раза в год и совсем редко три раза за год.

– У вас очень хорошая карта, синьор Бугер, – похвалил Вик. – Не окажете ли нам услугу, дав её копию. Очень уж интересная история с этим неуловимым островом.

– Невозможно отказать вам, капитан. Синьор Серж в прошлом году выручил нас из очень неприятной ситуации с морским войском. Мы ему очень обязаны. Карты есть. Нужно только перенести туда мои значки.

Синьор Бургер достал из шкафа ещё один лист карты, и начал вместе с Виком обогащать его пометками.

– Очень благодарны вам за помощь, – сказал Вик на прощание.

– Что вы, что вы, – замахал руками капитан порта, – был рад с вами познакомиться. Альф Санчес мне уже доложил, во что вы превратили портовую таверну. Непременно зайду посмотреть.

– И мы будем рады вас видеть.

На улице Вик спросил:

– А что это за история с морским войском, о которой упомянул капитан порта?

Я рассказал о Спиридоне и его братьях.

– Класс! Надо же, как быстро и изящно решаются проблемы войны и мира при помощи бочонка хорошего вина. Странно, что они ушли. Я бы на их месте, попробовав вина Колина, остался бы здесь навсегда. Какой к чёрту остров Буян! Там кроме домашней браги ничего

не будет. Однако, сами пушкинские герои очень интересны. Можно было бы сплавать к ним на Буян в гости и посмотреть, как они там устроились.

– Можно бы, если бы знать, где этот самый Буян в здешнем мире. Никто о нём тут и слыхом не слыхивал.

– Да-а...

Некоторое время молча идём вверх по Рыночной улице.

– Слушай, Серж, а мне почему-то с этим таинственным островом на ум приходит «Наутилус» капитана Немо.

– Да нет, откуда ему здесь быть? В других наших мирах его тоже нет. Так что и случайно пробиться оттуда нечему.

– А Спиридон?

– Спиридон с братьями – сказка. Он не из другого мира, а ошибка этого. «Наутилус» сюда никак не укладывается. Вместе с тем, в Верне хватает и своих сюрпризов. Плавающая железяка по давности происхождения, скорее, похожа на предмет из чего-то местного. Хотя в самом Верне уровень обработки железа ещё не тот, чтобы сооружать большие, герметичные конструкции. Да ещё притом за пределами пятидесятилетнего времени. Нужно спрашивать Жозефа. Он должен хорошо знать историю. Может, какие-нибудь намёки и обнаружатся. У меня такое предчувствие, что вы, Вик, обдумываете, как бы зафрахтовать судно для прогулки в поисках таинственного железного острова.

– Подумываю, но мы ещё слишком мало знаем. Хотя, когда мы с капитаном порта ставили пометки на карте, кое-какие мыслишки в голове зашевелились. Вот придём домой и посоветуемся. У меня и со свободным временем неясность. Нужно узнать, как там у нас дома в Питере. Похоже, что морские перевозки по контрактам ещё СССР заканчиваются, а новых фрахтов не ожидается. В стране бардак и в пароходстве тоже. Не будет фрахтов – нечем будет платить людям за работу. Торговый флот встанет на прикол. Неизвестно пойдёт моё судно куда-нибудь или нет.

Когда проходили мимо «Морского дракона», из дверей выскочила Жанна.

– Уф, отработала сегодня. Вы куда?

– Домой.

– Тогда я с вами.

Мы остановились.

– Может, возьмём что-нибудь с собой? – спросил я. – Тогда ужинать нам не придётся сюда идти.

Свернули во двор таверны, Жанна вынесла из кухни корзинку со всякой всячиной, и мы двинулись дальше.

Уже ставшая чуть ли не привычной мизансцена. Мы с Виком развалились на скамейках во двореике моего дома, а Жанна копается в клумбе и прислушивается к тому, что Вик рассказывает ей о поющем городе.

– Какая ужасная судьба! Правда, Серж? Умереть от страха сразу всем. Нет, я бы с вами не пошла, чтобы не видеть такого. А приключения я люблю, – оторвалась от клумбы, задумалась и добавила: – Наверное. Честно говоря, приключений-то у меня ещё никаких и не было, но хотелось бы, чтобы были.

– Пусть это тебя не расстраивает. Рано или поздно какое-нибудь приключение, так или иначе, выпадает на долю почти каждого человека, – обнадежил я Жанну. – Если не сидеть дома.

– Мы тут с Сержем собираемся в небольшое морское путешествие. Можешь составить нам компанию, если качки не боишься.

– Правда? В путешествие? Как интересно! Прямо сегодня? А качки я не боюсь. Ещё когда был жив отец, то мы часто катались в лодке по морю.

– Нет, – засмеялся Вик, – не сегодня, конечно. Но со своим хозяином поговори, чтобы отпустил, когда потребуется. Серж, а на чём бы нам карту расстелить?

– Можно взять в прихожей столик для шляп.

Вытащили из дома столик, и Вик развернул карту.

– Вот, смотри. Отметки Бугера примерно в четырёхстах милях от Верна. Выше них миль на пятьдесят группа островов с общим названием Малагра. Пара крупных и много мелочи.

– В скобках приписано Атабанга. Двойное название архипелага что ли?

– Нет, не двойное название, – донеслось от клумбы. – Малагра – это острова, а Атабанга – страна, которая когда-то давно была на этих островах.

– Страна?

– Да. В школе по истории Верна о ней рассказывают. Этой страны уже давно нет. Пожалуй, больше ста лет уже.

– Тогда зачем же о ней рассказывают? Да ещё по истории Верна почему-то.

– Атабанга была очень беспокойным соседом не только для Верна. Её правители всё время пытались что-нибудь отнять у прибрежных стран. Приходилось иметь большую армию и военные корабли, чтобы отбиваться от постоянных нападений. Учитель говорил, что было иногда очень трудно. У Атабанги и оружие имелось сильнее нашего, и корабли зачем-то дымящие. Спасало только то, что прибрежные страны объединились против общего врага.

– И куда же делась Атабанга? Вы вместе всё-таки её победили?

– Нет, не победили. Вмешался Бог, и не стало Атабанги.

– Бог?

– Да. Большой вулкан на самом крупном острове проснулся, и убил там всех. Земля даже у нас заметно тряслась, а после ещё целый месяц восходы и закаты были красные, как кровь. Так нам рассказывали в школе. Вот потом и не стали нужны ни солдаты для войны, ни корабли с пушками. Хотя ещё долго сохранялись и у нас, и в соседних странах.

– Интересная история, – промолвил Вик. – Боги – великая сила, но и люди тоже многое могут. На чём мы с тобой остановились, Серж?

– На отметках Бугера.

– Да, интересная особенность этих отметок. Они все расположены как бы по дуге. Вот, посмотри, если взять отметки хотя бы и разных лет, но по возрастанию или убыванию даты в году и соединить линией, то получается неровная дуга. Взять другие несколько точек в таком же порядке и тоже получается дуга.

– И что?

– Точки и дуги не выходят за пределы обозначенного на карте течения, огибающего архипелаг. И вот ещё одна интересная вещь. Архипелаг с другой стороны омывается встречным течением, а вот здесь между встречными течениями вторгается ещё и третье, растворяясь в них. Усекаешь, какая любопытная штука складывается?

– Так, так, так, вы, Вик, полагаете, что железный остров из года в год циркулирует по морю вокруг архипелага Малагра по одному и тому же пути?

– Точно! Понимаешь, что из этого получается?

– Начинаю понимать. По датам наблюдения можно вычислить и сколько времени нужно жестянке на полный круг, и скорость её движения, и где она может находиться сейчас. Разумеется, с какой-то погрешностью туда-сюда. Циклы не могут быть точно равными. Природа всё-таки не машина. Только странно, что видели железку лишь в этом месте.

– Ничего странного. Выше по карте торговых путей нет. Атабанга-то мертва. Ну, и острова, наверное, тоже. Получается, что сделали её где-то там, когда Атабангу ещё не уничтожил вулкан.

– Пожалуй, в самом деле, у нас есть причины поискать подходящее судно для морского пикника. Жанна, ты что-нибудь слышала о плавающем железном острове?

– Конечно. В таверне чего только не услышишь. Легенда какая-то.

– Вот мы с Виком как раз и собираемся проверить легенда ли это. Поющий город тоже был легендой.

– Туда вы и хотите меня взять? Как здорово! Колина я уговорю отпустить меня. Ох, что-то подустала я сегодня, – пожаловалась Жанна, выпрямившись, и разминая спину покачиванием из стороны в сторону. – Давайте я вас покормлю и пойду домой.

За столом Вик больше ел Жанну глазами, чем курицу из своей тарелки ртом. Жанну это и в самом деле смущает. Стрельнёт время от времени своими синими глазищами в сторону нашего brave капитана и снова утыкается взглядом в стол. Не знаю, я им не судья и по молодости лет, наверное, несколько максималист в суждениях. По-моему несуразная пара получилась бы из них сама по себе. Так что поощрять их игры не собираюсь. Впрочем, и мешать тоже не буду.

– Вик, Жанна устала. Вас не затруднило бы проводить её домой, а я тут сам приберусь.

Предлог спровадить их обоих на прогулку вдвоём, конечно, смехотворный, но вполне благовидный. Возражать не стали. Ничего убирать, когда они ушли я, разумеется, не стал. Вышел во дворик и завалился на свою любимую скамеечку. Звёзды уже начали высыпать на небо. Красиво. Хлопнула входная дверь, но Вик во дворике не появился. Слышно как загремела посуда и заплескалась вода на кухне.

– Страшный ты человек, – сообщил мне Вик, выйдя во дворик после мытья посуды. – Не по годам умом развит.

– Ничего не могу с собой поделать. Уж воспитание такое.

– Это верно. Твоя родительница прекрасный скульптор характера своего сына. Редко такое встречается. Как они там – в Новгороде?

– Пишут, что хорошо. Однако думаю, мама по Питеру всё же скучает, но бабушку, пока та жива, не оставит. Тоже ведь воспитание и привязанность. Ну, как? Идём на базу?

– Идём.

Анна Петровна... Тыфу ты, теперь просто – Анна следующим утром оказалась дома.

– Очень хорошо, что ты зашёл. Я уже собралась в замок. После нашего с тобой разговора две недели назад я попросила Луизу вернуть Жермену ле Гран обратно. Италия не так уж и далеко. Так что Жермену, когда она ступит на земли Луизы, сопровождают ко мне в замок. Посмотрю, что это за особа. Ты со мной или занят?

– С тобой.

Я так до сих пор и не пойму спокойствия челяди графини де Жуаньи. Ладно, Гийом. Одного близкого к своей персоне человека можно убедить, что ты не колдунья и твои внезапные исчезновения и появления не диво. Но ведь слуги в замке не идиоты. Появление хозяйки не может их не удивлять, если через ворота она

Аманда с Гийомом что-то хлопочут где-то внизу по хозяйственным делам, а я опять люблюсь окрестностями с башни и попиваю великолепный вишнёвый сок. Казалось бы, вишни уж месяц или больше как отошли, а сок свеж и ароматен, словно выжат из ягод только сейчас снятых с дерева. Ни чуточки не забродил. Секрет мастера?

Ага, Пьер с Арманом, как всегда вовремя и вместе. Машут мне с дороги. Ещё не въехали на мост, как их догоняет Катрин. Вот уж она сегодня поиздевается над Луизой за её опоздание! Что-то гости просто валом валят друг за дружкой. Только карета Катрин скрылась в замке, из-за деревьев выбирается карета с гербом Граммонов. Двое слуг в одежде цветов рода де Шеврез сопровождают её верхом. Самой Луизы всё нет.

Над чем-то смеясь и переговариваясь, все, кто приехал и хозяйка с Гийомом, поднимаются на башню. Только Жермена тиха и настороженна. Рукопожатия Пьера и Армана, щёчка Катрин и лёгкий поклон Жермене. Легкомысленная в любовных интрижках Катрин, прекрасно

чувствует любую другую ситуацию. Вот и сейчас весело щебечет что-то на ухо Жермене, пытаюсь преодолеть скованность гостии.

– Будем ждать Луизу? – спрашивает Аманда больше для приличия. Уже догадываясь, какова будет реакция у некоторых присутствующих.

– Ни в коем случае! – поспешно выкрикивает Катрин. – Пусть вовремя приходит. Семеро одного не ждут. Будет ей урок!

– Тогда сядем за стол. Катрин, у меня почему-то предчувствие, что ты знаешь, где Луиза и почему её нет.

– Ничего я про неё не знаю, – честно округлив глаза, заявила воспитательница королевских дочерей. – Просто есть зверски хочу. Может быть, она на проводах короля обратно в Ла-Рошель?

С дороги послышался топот несущихся во весь опор лошадей и грохот колёс мчащейся кареты.

– Скорее, скорее за стол, – засуетилась Катрин и потащила за собой Жермену.

Жермена заметно напряглась с появлением Луизы. Как же, ведь та была готова отдать приказ Пьеру, чтобы он пырнул заговорщицу ножичком до смерти. Сама же герцогиня сейчас мрачна как туча.

– Подождать меня не могли, – досадливо проворчала она.

– Мы же не знали, когда ты прибудешь, – с совершенно невинным выражением лица, – ответила подруге Катрин. – Да и что расстраиваться-то. Мы ещё почти и не начали.

Луиза окинула Катрин подозрительным взглядом, но промолчала.

– Что случилось Луиза? – поинтересовалась Аманда.

– Королева собиралась провожать короля, а я уже готовилась двинуться сюда. И вдруг Анна приказывает мне возглавить дамский кортеж в процессии провожающих. Приказ – есть приказ. Тащусь вместе со всеми за пределы Парижа до дворца Сен-Жермен-эн-Ле. Слава Богу, что не пришлось ещё и в Лувр со всеми возвращаться. Король отбыл. Простились я с Анной и сразу сюда.

– Какое несчастье! – воскликнула Катрин. – Как я тебе сочувствую.

Луиза с сомнением сердито покосилась на неё.

– Что-то уж очень довольная у тебя физиономия при таком сопереживании. Не твоя ли это работа?

– А чем ты огорчена-то, Луиза? Возглавить кортеж королевы такая честь! Я её величеству и шепнула в Лувре, что тебе этого очень хочется, но ты стесняешься попросить...

– Ах ты, зараза! Ну, я тебе это припомню!

Арман с Пьером, а с ними Гийом и я просто покатались со смеха. Аманда от души рассмеялась и даже Жермена заулыбалась.

– Ну, теперь берегись, Катрин, – сквозь смех проговорил Арман. – Месть будет страшная и ужасная.

– Да, здóрово ты разозлила подругу, – поддержал Армана Пьер. – Она даже забыла светские выражения.

– Какие тут могут быть светские выражения! – кипятится Луиза. – Такую подлость подстроить. Всё, я теперь с тобой, бывшая подруга, целых полчаса разговаривать не буду. Нет, – час. А месьть будет, и ещё какая! Не сомневайся. Арман, в утешение отрежь мне кусочек вон от того кабанчика.

С четверть часа все речевые аппараты были заняты жеванием и глотанием. Только у Жермены, похоже, нет аппетита. Хотя и понятно – беспокоится и недоумевают, зачем она здесь, и что нам от неё нужно?

– Извините, Жермена, – начала Аманда, – что наше приглашение вам посетить мой замок выполнено так бесцеремонно. Мне важно было увидеть вас своими глазами.

– Чего уж там, – проронила едва слышно Жермена.

– Да, и я тоже думаю, что это оказалось для вас не слишком обременительно. Учитывая то, какие тяжкие обстоятельства и возможные последствия свели нас с вами. Вы можете возвращаться домой и поступать, как вам заблагорассудится. Луиза, что там в Лувре?

– Следствие внутри Парижа прекращено. Вы с королевой славно обработали Ришелье.

– Вот и всё. И не подумайте, что вы нам чем-то обязаны или нам что-то нужно от вас, Жермена. Мне даже почему-то кажется, что и в заговор-то вы оказались втянутой против своей воли. Но, каким образом это случилось, никогда нам не рассказывайте. Даже, если вас вдруг сильно потянет на откровенность. К чему я этого говорю? Надеюсь, что это не последняя наша встреча. Что-то в вас привлекло Пьера и Сержа. Да и Луиза совсем не враждебно присматривается к вам, не говоря уж о Катрин. Так что постарайтесь и вы не смотреть на нас, как на врагов. Ну, а там уж как получится. Всё в руке Божьей. Не запирайтесь дома. Катрин, например, очень любит, когда к ней ходят с визитами.

– Жермена, – решила внести свою лепту и Луиза, – скоро мой день рождения. Вас внесут в число приглашённых. Будет весело. Об этом я уж позабочусь.

– Ты хоть скажи человеку, какой по счёту день рождения-то будет, – вкрадчиво и услужливо подсказала Катрин.

– Аманда! – взревела Луиза. – Я убью её прямо здесь и сейчас. Принесите мне топор! Побольше, потупее и поржавее.

– Успокойся, Луиза, не каждый же день только тебе и побеждать Катрин в ваших смешных интрижках и шпильках друг другу.

Ещё с час проболтали о всякой ерунде вроде планов кардинала Ришелье и слухов о любовницах короля. Жермена вроде немножко расслабилась. Хотя в разговоре участия и не принимала. На вопросы отвечала только односложно «да» или «нет». Наконец, засобиравшись и попросила разрешения откланяться.

– Серж, проводи, пожалуйста, гостью, – распорядилась Аманда.

– Какая странная и, вместе с тем, интересная у вас компания, – в раздумье промолвила Жермена, спускаясь по ступенькам.

– Я и сам удивляюсь, как она сложилась. Не так уж давно я в неё влился и редко с ними бываю, но мне кажется, Жермена, что вы всем чем-то понравились. И причём некоторым из нас совсем не сегодня, а в прошлый раз. Герцогиня де Шеврез, например, очень разборчива в своих симпатиях и приглашениях. Если вы сблизитесь с ней и Катрин, то никогда об этом жалеть не будете.

– А графиня де Жуаньи?

– Она у нас главная. Хотя и не принадлежит к королевскому дому, как Луиза. Аманда мудрая и добрая. Все её слушаются беспрекословно.

Мы вышли во двор замка. Подкатила карета. Жермена влезла в неё, слегка натянуто улыбнулась и уехала, а я опять потащился по ступенькам на самую верхотуру.

– Ну, как? – спросил Арман у Аманды.

– Прямо-таки не знаю. Когда человек в таком замкнутом состоянии, то не чувствуется души. Мне кажется, что она чего-то очень боится. Подождём и посмотрим. Нам самим навязываться ей, нужды нет. Захочет – сама придёт. Тогда и будем её разглядывать в мелочах.

– Мне тоже кажется, что Жермена о чём-то очень переживает, – вздохнула Луиза. – И переживает совсем не о погибших заговорщиках. Хотя, может быть, о ком-то одном из них? Ладно, что будем делать-то, когда дела больше нет и до ночи ещё далеко? Не припоминаю в прошлом такой краткой нашей встречи. Я бы домой отправилась. Катрин, ты со мной?

– С тобой.

Арман и Пьер тоже засобирались. Поместья у них рядом. Вот и ездят вместе. Аманда всё-таки одарила их сокровищами из своей библиотеки. Пьер, не помня себя от радости, при-

жимают к своей груди бесценный фолиант об охоте с изумительными иллюстрациями – гравюрами. Арман же слегка засмутился, получая из рук нашей хозяйки немалой толщины книгу скабрёзных историй о любовных похождениях кавалера де Гриньи. С шикарными, откровенными картинками! Аманда только понимающе ухмыльнулась и не стала комментировать свой подарок Арману. Хорошо, что Катрин и Луиза уже уехали и не присутствовали при событии дарения книг. Вот уж Арман бы от них натерпелся.

Договорились все встретиться на дне рождения Луизы. Не на том, который для семьи, а на том, который для друзей. Разъехались.

– Я здесь ещё задержусь на денёк-другой. Сбор урожая и налогов, – объяснила Аманда и я тоже испарился...

Только вернулся домой – звонит Капитан.

– Поход за железным островом откладывается. Послезавтра снимаемся в Швецию. Дней на семь-десять, а дальше полная неизвестность. Ни фрахтов, ни их перспективы в пароходстве не видно. Поговаривают даже о продаже и консервации судов. В общем – кошмар. Да, Стелла просила, как ты появишься в пределах видимости, то передать, чтобы заглянул к ней. Какая-то проблема с расселением.

Я посмотрел на часы:

– Не поздновато?

– Рабочий день ещё не кончился. Да и Стелла часто засиживается допоздна.

– Тогда я пошёл.

У Стеллы в кабинете оказался Александр. Понятное дело, что с кружкой бесплатного кофе в руках. Я, поздоровавшись с обоими, укоризненно посмотрел на Учителя и кружку.

– Стелла, а этот гражданин у нас в штате?

– Ещё нет, а что?

– Почему я каждый раз застаю его с кружкой кофе, который положен только сотрудникам фирмы и клиентам?

– Но он же учредитель!

– Согласен, но раз учредитель, то кофе ему положен за счёт представительских расходов, а не издержек по офису. Так?

– Так. По представительской статье мы ещё ничего не закупали.

– Вы слышали, гражданин? Извольте внести деньги за выпитый кофе в кассу. Стелла, скажи бухгалтеру выписать приходный ордер.

Стелла рассмеялась:

– Стоит только вас обоих встретить вместе, так жди какого-нибудь спектакля. Это Капитан передал, что мы тебя искали?

– Капитан.

– Проблема тут возникла с расселением десятой квартиры. Саша, давай!

– Вся квартира уже разъехалась, – приступил Александр, – и только Мария Васильевна отказывается. Уж я и так, и этак, и все красоты нового жилья не раз расписал – ни в какую. Здесь, мол, умер мой муж и я умру. Как только последний сосед её коммуналки выехал, заперлась изнутри и никого не впускает. Не выживать же её насильно.

– Марью Васильевну-то? А что она нам плохого сделала, чтобы выдавливать её силой? Ей ведь уже далеко за семьдесят. Небось и отца нашего Ахмеда помнит, и блокаду перенесла.

– То-то и оно. Кроме добра мы от неё ничего не видели. Особенно в детстве. Я раньше, а ты позже. Что будем делать?

– А что мы можем тут сделать? Пусть остаётся – её право. Левый флигель-то всё равно мы планируем под жильё для сотрудников. Будет один не сотрудник. Я сейчас схожу с ней поговорю.

Забежал в магазин. Десятая квартира на втором этаже. Звоню.

– Кто там? – раздаётся за дверью старческий, но хорошо знакомый, звонкий голосок. Сашка, опять ты? Не пущу тебя – стервеца.

– Не Сашка, Мария Васильевна, – Сергей.

– А Сашки с тобой нет?

– Нет.

Послышалось лязганье затворов, старушка выглянула и подозрительно оглядела лестничную площадку за мной.

– Ладно, заходи. Хотя вы с Сашкой теперь одна компания. Тоже будешь уламывать меня съехать с места? Не выйдет!

– Не буду.

– Слава Богу, а то я опасаюсь даже в магазин выйти. Вернёшься, а вещички на улице. Такие страсти ныне пишут в газетах об обманутых стариках! Так чего тебе? Проходи в комнату. Я только чайник с плиты сняла. Почаёвничаем. Как мама с бабушкой?

– Спасибо, хорошо. Нравится им в огороде копаться. Вот, я пряников захватил.

– Ай, уважил, уважил старуху. Мои любимые. Чувствуется мамино воспитание. Богатая на душу женщина. Наливай сам.

– Благодарю, Мария Васильевна. С вами, да чайку – всегда с удовольствием. Заодно и спокойно побеседуем о будущем.

– Да что ты, милоч, какое у меня будущее. Это у вас будущее, а мне давно уж в землю пора.

– Ну, ну, Мария Васильевна, что это вы о земле задумались. Мы вместе в одном доме ещё долгонько проживём.

– Стало быть, ты не как Сашка, уговаривать меня съехать не будешь?

– Не буду. Мы все вместе подумали и поняли, что нашим планам вы никак не угрожаете. Только уж вы нам, в самом деле, не мешайте.

– Чем же это я вашей компашке с Сашкой могу помешать?

– Нам нужно сделать ремонт здания, в котором вы живёте. Вон в том флигеле напротив освободились комнаты и квартиры. Выбирайте любую. На время, конечно. Мы поможем перебраться. А когда это здание отремонтируют, то и вернётесь обратно. Только вот коммуналок здесь уже не будет. Царские хоромы не обещаю, но свою маленькую квартирку вы, Мария Васильевна определённо получите.

Старушечка на минуту замерла с открытым ртом.

– И никуда съезжать не надо?

– Не надо.

– Отдельную?

– Да.

– С балконом?

– Вот балкона не обещаю.

– Если бы пообещал, то я как раз и не поверила бы. Не обманешь? Хотя, что это я. Мать тебя этому не учила.

– Вот и хорошо. Договорились?

– Если прямо здесь, то грех не согласиться. А то новостройки, новостройки...

– Тогда завтра с Александром сходите к нотариусу. Обмен комнаты на квартиру нужно закрепить на бумаге.

– Опять Сашка!

– Опять. Мария Васильевна, вы же прекрасно знаете Учителя. Почему вы на него сердитесь? Что он вам предлагал? Что-нибудь нечестное или просто вам не понравившееся? Конечно же, не первое. За что на него сердиться-то? Если захотите, то мы вашу квартирку

и купим у вас на условиях пожизненного проживания. Будете и с жильём, и с деньгами – богатой пенсионеркой. Если что непонятно, то поговорите с нотариусом. Он всё объяснит.

– Ты всегда гладко говорил с самого детства. Придраться не к чему. Подсылай вашего Сашку. Схожу к вашему нотариусу. Этим крючкотворам я ещё верю.

Стелла с Александром в конторе. Впрочем, рабочий день только-только закончился, а Стелла так рано обычно не уходит.

– Что-то ты быстро обернулся.

– Так и вопрос-то пустяшный. Могли бы и сами сообразить, что не ко всем мы можем со стандартным предложением подкатываться. Саша, завтра сходите с бабулей к нотариусу и оформите всё как надо. По существу нужды особой в этом нет, но бабульки любят официально оформленные бумажки. Да и нам спокойнее. Что с архитекторами? Планировки флигелей они нам предложили?

– Вот, – и Стелла выложила листы на стол. – Мне понравилось.

– Тогда я и смотреть не буду. Саша, а что с главным зданием? У меня уже последние соседи собираются съезжать.

– Тоже пока всё в порядке. Переплачиваем, конечно, очень сильно. Нигде в городе при расселении таких условий не предлагают. Зато всё идёт как по маслу. Финны берутся сделать общий ремонт за четыреста пятьдесят тысяч зелёных. Недорого, но это если проект реставрации будет наш. Индивидуальные требования за отдельные деньги. Слава Богу, что дом не памятник архитектуры. Хотя, по моему мнению, достоин быть памятником. Стелла вон просто извелась в ожидании въезда в свои апартаменты.

– А как не известись? Вы мне такое шикарное жильё сосватали. А уж чтобы попасть на работу нужно будет лишь спуститься во двор. Царская жизнь настанет!

Когда мы с Александром вышли из офиса, то остановились на минутку посреди двора. Дом словно вымер. Непривычно как-то. Только кое-где в окнах занавески, говорящие о том, что здесь ещё кто-то пока живёт.

– Нужно будет сквер во дворе разбить, – задумчиво произнёс Александр. – Света для растений достаточно и места тоже.

– Детскую площадку вон в том углу можно разместить, – добавил я.

– Согласен. К Ахмеду пойдём?

– Через гастроном?

– Естественно!

– Нужно и Капитана позвать. Он завтра в рейс уходит.

Ахмед благосклонно и одобрительно взглянул на гостей. А как же иначе? Ведь при нас было два больших фруктовых торта.

– Вот, всегда бы так! – одобрил он, плотоядно глядя на коробки, которые мы ставим на стол.

После первого торта, захватив с собой стулья, переместились в тайник. Свет не зажигали. Элементы машины Швейцера мерцают спокойно и таинственно. Молчим, созерцая эту беззвучную, почти столетнюю музыку сказочного устройства.

– Мы с Анной Петровной архив Швейцера так и не нашли, – нарушил я тишину. – Обнаружили только два листочка с описанием переключателей той части машины, которая в подземном зале неизвестно где. Я вроде бы всем о нём рассказывал, а Александр и сам видел. В ваш мир, Капитан, вход и выход где-то на хребте Альберта. К Ахмеду я не выглядывал, но, думаю, Ахмед, у тебя это где-то в Шахтиярском лесу.

Переключателями можно открывать и закрывать входы из наших миров в общий зал. Сейчас все наши миры открыты – гуляй, куда хочешь. Разумеется, с ведома и согласия хозяев. Но есть там один особый переключатель, который я не трогал. Полагаю, что он открывает проход куда-то сюда в Питер или поблизости от него.

– Ну, и что? – отреагировал Ахмед. – Зачем нам второй проход? Мы и так прекрасно перемещаемся.

– Вообще-то да, но наши перемещения при помощи мысли зависят от работоспособности машины, которая перед нами. Если она выйдет из строя, то мы никуда уже попасть не сможем. Хотя наши миры и продолжают существование. То, что в подземном зале, похоже, даёт возможность ходить куда угодно, минуя вот эту здешнюю красоту. Своего рода аварийный вход/выход. Я в размышлении – включить его на всякий случай или нет. Мало ли, что вдруг произойдёт. А Швейцер – большой мудрец! Предусмотреть даже и такое. Причём сделать так, что пользоваться запасным входом могут только те, кто пользовался основным.

– Я, как поборник запасных вариантов, – ожил Капитан, – высказываюсь за то, чтобы было включено всё. Опасности нам никакой, а гарантия важная. Включай, Сергей, и посмотри куда выход.

Возражений не последовало. Капитан посидел ещё немного с нами и отправился готовить судно к рейсу. Мы с Александром тоже снялись с места.

– Ахмед, – на прощание заметил Учитель, – обрати внимание, что мы совершенно добровольно оставляем тебе второй тортик нисколько нетронутым.

– Никогда не забуду вашего бескорыстия и щедрости, – посулил нам дворник.

– То-то же! – и мы ушли.

– Девочки скучают без тебя, – куда-то в пустоту проговорил Александр, поднимаясь по лестнице нашей «барской» парадной.

Я промолчал.

– Не слишком ли мы завлекли их всякими интересностями и чудесами цивилизации? Ведь через год им возвращаться в племя. Тосковать будут.

– Но, с другой стороны, они заслуживают интересного, когда сами по себе чудо, – ответил я. – Есть и другая проблема возвращения их домой.

– Да?

– Антиопа, уезжая, высказала пожелание, чтобы девочки возвратились в племя беременными.

– О, Господи, не было печали! От нас? – поразился Александр.

– А ты как думаешь? От фавнов что ли? Ага, а сказала не им, а мне.

– И что ты ей ответил?

– Я не отказался. Но как подступиться к этому – никакого понятия. Они нам как члены семьи. Совершенно не представляю их в роли наложниц.

– Ничего не знаю, и знать не желаю! У меня Клития. Сам расхлёбывай, раз не отказался. А Зубейда?

– Там, где она совсем другие представления морали, чем у нас и Зубейда не стала бы возражать. Даже, если бы и узнала.

– Вляпался ты по самые уши. А вдруг будут мальчики? Их же из племени нужно будет забрать. Что будешь делать?

– Что, что? Придётся пристраивать у тебя.

– Вот-вот, тебе любовные шалости, а мне проблемы. Просто вот так – по дружески. Ну, ты и жук!

Помолчали, стоя на площадке между этажами.

– Няньку из села придётся брать. А в школу в Рим отправлять. Ладно, чего-нибудь придумаем. Вдруг ничего и придумать не придётся. Если все девочки родятся. Ты не пропускай мимо ушей, что я тебе намекнул про скуку. Сам же начал их развлекать. Теперь и отступать нехорошо. Нужно хотя бы по мелочи чем-то их радовать.

– Свободы у меня теперь хоть отбавляй. Завтра же выберусь на виллу. Прихвачу с собой мороженого и пирожных. Не обязательно их куда-нибудь водить с приключениями. Достаточно хотя бы оказывать им внимание время от времени.

ГЛАВА 2: Набег на амазонок

Утро началось с того, что я выпросил у Ахмеда коробку из-под торта. Эскимо в шоколаде вполне подходящее лакомство, чтобы побаловать чудо несказанное. В коробку влезло шестнадцать штук. Мороженщица даже пожертвовала несколько кусочков искусственного льда, чтобы содержимое коробки не сразу растаяло. В кондитерском отделе прихватил ещё и пару коробок с бисквитными пирожными. Нужно побыстрее бежать домой и далее, если хочу донести продукт нерастаявшим в Древний Рим.

Средиземноморское начало осени – это на самом деле просто продолжение лета. Воздух жарок и свеж одновременно. Свеж я имею ввиду, что не прохладен, а приятен для дыхания. Птицы многочисленны и голосисты, как и летом. Листва шумлива под лёгким ветерком и опадать с ветвей не собирается. Выскакиваю из леса прямо чуть ли не в объятия амазонок, уже подкарауливающих меня в дверях виллы.

– Сергей, кто это за тобой гонится? – удивилась Охота. – Кроме твоего топота ничего на слух не различить.

– Никто не гонится. Очень вашей утренней каши хочу. Боялся опоздать.

– Успокойся. Ещё не опоздал, – обнадежила Антогора, в свою очередь, подставляя щёку.

– А в коробках что? Подарки? – деловито осведомилась Ферида.

– То, что в коробках будет после каши.

Мар невозмутим, как всегда. Оделил всех порциями и сам уселся за стол. Девочки как заведённые быстро работают ложками, не спуская глаз с коробок, сулящих какие-то сюрпризы. Они уже покончили с кашей, а я специально не спешу, чтобы потомить их. Взоры троицы сползли с коробок и с укоризной скрестились на мне.

– Ладно, ладно, уговорили, – сдаюсь я и развязываю верёвочку на коробке из-под торта.

– Что это такое? – спрашивает Ферида, опасно прикасаясь пальчиком к блестящей обёртке эскимо. – Ой, какая холодная штука, но не железо. Там внутри что-то не очень твёрдое.

– Это очень вкусная вещь под названием эскимо. Берёшь её вот так вот за палочку, разворачиваешь блестящую шкурку и откусываешь кончик. Ам!

Пока Охота и Ферида следили за моей процедурой, Антогора повторяла её следом за мной и «ам» сделала, лишь чуть отстав от меня.

– Девочки, мороженое! – раздался восторженный вопль.

За десять минут красавицы освоили по четыре эскимо. Мар успел только два. Я ограничился одним. Все взгляды сошлись на последнем оставшемся экземпляре.

– Отдадим его Мару, чтобы никому обидно не было, – явно преодолевая тяжёлые душевные муки неизбежной утраты, по праву старшинства отважно решила Антогора. – Так справедливо будет. А в тех коробках что?

– То, что в тех коробках будет после обеда.

– Понятно, – догадалась она, – пирожные! Девочки, сегодня у нас праздник! Мар, а нельзя обед как-нибудь пораньше сделать?

Охота с Феридой вроде бы примостились в библиотеке, как обычно сыграть в шахматы. Антогора, с блаженством поглаживая животик, возлежит на своей кушетке. А меня никак не оставляет ощущение, что что-то тут сегодня не так, как должно бы быть.

– Антогора, а как же ваши ежедневные упражнения? Я донесу Антиопе, что вы тут совсем обленились, и к службе совершенно не пригодны.

– О, Боги, что это мы сегодня! Память что ли потеряли из-за мороженого? – воскликнула амазонка, вскакивая с любимой кушетки, как подброшенная пружиной. – Охота, Ферида, мигом во двор!

Выхожу на террасу и сверху любуюсь их гимнастикой. Замечаю в саду какое-то шевеление. Наверное, Габор со своей компанией там, как обычно расположился. В поле сельский народ копошится. Далеко. Около виллы уже всё скошено. Кричу вниз:

– Девочки, не уходите оттуда. Я сейчас спущусь. Купаться пойдём.

Внизу прекратилась гимнастика. Заканчивается и стрельба из лука. Скорость отправки стрел в полёт и меткость поразительные. В Париже Охота и Ферида положили в мишень пуля в пулю. Если бы то же самое они делали здесь, то быстро бы без стрел остались. Последующая стрела расщепляла бы предыдущую. Сейчас амазонки выстраивают стрелы в идеально прямые линии. Вертикальные и горизонтальные. Ни малейшего нарушения геометрии. Я когда-то наблюдал, как Антогора за минуту выстроила на мишени свою подпись с росчерком. Порачительно!

Ферида опять забежала куда-то в глубину леса за нимфами и на берегу озера сегодня очень оживлённо. Скидываю тунику и с блаженством растягиваюсь на траве.

– Вчера уехал вестник из Рима, – сообщает Антогора, снова избрав своим изголовьем мой живот. – Продолжай, продолжай. Очень приятно, когда ты вот так ворошишь мне волосы.

Грива у девушки изумительная! Пальцы тонут в её густоте и, вместе с тем, почти не встречают сопротивления. Охота и Ферида пристраиваются рядом.

– Марк и Ливий сообщают, что в Риме затишье. Октавиан и Антоний ведут себя как лучшие друзья. В Галлию отправлено жалование для стоящих там легионов. Только говорят, что из казны на это взято на восемьдесят тысяч денариев больше, чем обычно. Деньги повёз сенатор Флар. Сначала собирались послать вроде бы известного нам Домиция Ульпиана, но он оказался больным.

– Даже слухов тревожных и тех нет, – добавляет Охота. – Антогора, слезай с чужого живота! Теперь моя очередь.

– Почему это твоя? – возмутилась Ферида. – Живот у Сергея общий.

– Прекратите споры хотя бы здесь! – сползая с меня, цыкнула на Фериду Антогора. – Охота первая сообразила, как это приятно. – Подумала и добавила: – После меня, конечно, сообразила.

– Ладно уж, подожду, – отступилась Ферида. – А меня вот беспокоит такое затишье в Риме. Обычно не к добру спокойствие между врагами. Жди двойной гадости кому-то.

– Ты права, – согласилась Антогора, – и мне тоже тревожно. Не верю я в дружбу врагов. В страх и ненависть верю, а вот в дружбу – нет. У Антиопы в Риме и не только в Риме есть хорошие знакомства. Я их не знаю, но до Антиопы всякие римские известия доходят раньше, чем до нас и, бывает, раньше, чем что-то случается. Думаю, потому что многие амазонки нашего племени имеют отцов в Риме. Но этих отцов знает только Антиопа.

– Меня же вот интересует то, что Марк и Ливий не смогли узнать. С чего бы это вдруг кому-то вздумалось посылать с деньгами для легионов Ульпиана. Как я понимаю, он при Октавиане что-то вроде посланца по тайным делам. Да и при его крепком здоровье вдруг заболел именно перед поездкой. Из этого следует, что нам неплохо было бы съездить в гости к Антиопе, – подвёл я итог. – Хорошая осведомлённость лишней не бывает.

– Вот после обеда тогда и поедем, – предложила Ферида, спихивая с меня Охоту и устраниваясь вместо неё.

Сборы были недолгими, но обстоятельными. Проверена упряжь всех четырёх лошадей. Почищены изрядно запылившиеся от долгого лежания доспехи. Собран провиант на дорогу. Как объяснила Охота, Антиопа непременно захочет проверить готовность девочек к любым неожиданностям. Поэтому придётся ехать не налегке, как в прошлый раз в Рим, а с полным вооружением. Хотя и нет нужды нацеплять на себя всё железо и оно приторачивается к седлу, но и в лёгкой экипировке у амазонок устрашающий вид. Особенно когда они, разминаясь,

начинают с необыкновенной лёгкостью вращать вокруг себя огромными, со свистом рассекающими воздух мечами.

Выехали, немного отдохнув после обеда. Не по дороге, а обогнув сад и конюшню, двинулись на восток по нетоптаной земле, придерживаясь кромки леса. Изредка встречались небольшие сёла, а недолго где-то почти у горизонта видели и виллу Гнея Фульвия. Редкие к вечеру крестьяне, выходя из леса с дровами или плодами, увидев кто едет, с интересом останавливались и провожали нас взглядами.

Когда солнце скрылось за горизонтом, остановились на опушке и расседлали лошадей. Ферида с ловкостью разожгла костёр, орудуя кремнём, а мы – остальные натаскали сучьев.

– Девочки, – попросил я, откусывая какую-то сладковатую, подогретую лепёшку, – расскажите мне что-нибудь о порядках в вашем племени. А то, как бы мне не совершить чего-нибудь непозволительного.

– Порядки в племени для нас, – сказала Ферида. – А тебе лишь не следует заглядывать в дома без приглашения.

– И без возражений выполнять то, что скажет Антиопа, если потребуется – добавила Антогора. – А так вы с Александром можете делать, что хотите.

– А другие мужчины?

– Ты имеешь в виду тех, кого приглашают на таинство зачатия?

– Ага.

– Им вход в поселение запрещён. В полумиле для них построены домики и амазонки сами к ним приходят. Это для вас двоих запретов нет. Вы же друзья, а не самцы для оплодотворения.

– Как знать, – пробормотал я про себя.

– Что-что?

– Нет, ничего. Это я себе.

Антогора подозрительно уставилась на меня.

– У меня со слухом всё в порядке. Что ты имел ввиду?

– Ну, что ты пристала! Уж и самому себе ничего сказать невозможно без чьих-то расспросов.

– Когда человек сам с собой разговаривает, то это верный признак расстройства ума, – хохотнула Охота.

– Нет, у него с головой всё в порядке, – признала Антогора, принимаясь уже за второй кусок мяса.

– Девочки, а какая живность в ваших краях водится?

– Для еды?

– Именно.

– Из птиц много куропаток и голубей. Олени есть, много зайцев. Лесных свиней не очень много – бережём их или приручаем. Охотимся не у дома, а уходим иногда далеко и не на один день. Поэтому около племени лесной живности много. На всякий случай. Вдруг беда какая-нибудь с кормлением. А так овцы и коровы. У нас большое стадо. Грибы, ягоды собираем на зиму. А вот виноград растить не умеем. Мелкий и кислый получается. В общем, живём совсем не как у Геродота описано, – рассмеялась Антогора. – Врёт старик про нас почти всё. И ходим не в шкурах, и живём в домах.

– В домах? А какие они – дома-то?

– Конечно же, дома не каменные – деревянные. Иногда и пожары случаются. Зато строим сами.

Хотя ночью для обогрева в костре нужды нет, всё же разлеглись около него. Привычка, традиция? Охота с Феридой по одну сторону, а мы с Антогорой по другую. С той стороны мигом всё затихло и слышалось едва различимое сопение Фериды. Антогора не спит, а широко раскрытыми глазами смотрит в небо.

– Ты что? – шепчу я ей.

Она поворачивается ко мне. В свете луны цвета глаз не различить. Не глаза, а тёмные, бездонные озёра.

– О чём вы с Антиопой секретничали вдвоём? Тогда, на купании у озера, – тоже шёпотом спрашивает она. – Тайна?

Вот, пожалуйста! Догадывается о чём-то. Дёрнул же меня чёрт за язык час назад. Умница-то какая! И врать бесполезно. Она у Антиопы спросит. Надо же, как глупо попался!

– Антиопа хочет, чтобы вы после окончания службы вернулись домой беременными.

Антогора с минуту молчала, глядя на меня. Потом тихо произнесла:

– Понятно, – и повернулась ко мне спиной.

Обиделась что ли? Вряд ли. Не тот характер и не та ситуация. Я протянул руку и положил ладонь на её тёплое и шелковистое на ощупь предплечье. Она пошевелилась и накрыла мою ладонь своей. Так и заснули.

Охота без всяких церемоний разбудила всех ни свет, ни заря.

– Хватит валяться. Завтрак готов. Уж чем рады. Пирожные ещё вчера в обед почему-то неожиданно кончились.

Каждому досталось по куриной ножке, куску хлеба и плошке кислого молока. Помыться не удалось. Остановились на ночлег в безводном месте. Но когда двинулись, то милях в двух впереди встретился ручей. Остановились и ополоснулись. И снова нудное, однообразное движение вдоль леса. Справа локтях в пятистах видно выходящую между купами деревьев дорогу.

Внезапно из какой-то рощицы у дороги вылетает группа всадников человек пятнадцать-двадцать и стремительно приближается, пересекая нам впереди путь. Двое ещё издалека отделились от группы и стараются оказаться позади нас.

– Охота, Ферид! – командует Антогора.

Обе амазонки становятся лошадьми бок о бок впереди. Я оказываюсь за ними, а Антогора позади меня.

– Сергей, не дёргайся и места не меняй, – спокойно говорит мне в спину Антогора. – Иначе ты будешь мне мешать.

Луки у девочек уже не за плечом, а лежат у шеи лошади поперёк седла, удерживаемые левой рукой, в которой одновременно и поводья. Те всадники, что впереди вышли к нашему пути и теперь стоят неплотной группой, поджидая нас. Те, что сзади почти догнали нашу компанию. И, похоже, нимало озадачены увиденным. Следуют, не приближаясь, шагах в тридцати.

Группа вооружённых всадников впереди всё ближе и ближе. Охота и Ферид невозмутимо едут прямо на них. Похоже, и там появилась растерянность. Словно они ждали чего-то другого, а их обманули. Когда расстояние сократилось шагов до двадцати, группа зашевелилась, и расступилась, пропуская нас. Ну и бандитские же рожи! Мрачные и разочарованные. Одеты, кто во что горазд, но разного оружия много. Разве что только копий не хватает.

Вдруг одна из рож, мимо которой я уже почти проехал, выкрикнула какое-то проклятье и, выхватив короткий меч, бросила своего коня к нам. Короткий свист меча Антогоры у меня за спиной и чужая лошадь понесла куда-то в сторону безголовое тело всё ещё цепляющееся за поводья. Всадники бросились врассыпную, нещадно настёгивая коней. Вслед им полетели стрелы. Девочки как на утренней тренировке спокойно расстреливают беглецов. Но четверо или пятеро всё же успели ускакать дальше полёта стрелы и скрылись из глаз. Тишина и только лошади, потерявшие седоков, бродят здесь и там, щипля траву.

– Пойдём собирать стрелы. Сергей, жди нас здесь, – сказала Антогора, – и девочки разъехались по полю, время от времени останавливаясь у лежащих тел. Сбрасывают упряжь с потерявших седоков лошадей и отпускают их на волю.

– Что это было? – спросил я, когда они возвратились.

– Разбойники, – ответила Охота.

– В Римской Империи разбойников хватает, – добавила Антогора. – Большинство из них пешие, а эти самые опасные – верховые. Стерegli дорогу, а мы просто случайно им на глаза попались. Да, видно всё это сборище какой-то новичок подвёл.

– Причём тут новичок? – не понял я.

– Новичок у разбойников может не знать, что на амазонок нападать нельзя, – терпеливо объясняет мне Ферида. – Мы разбойников не трогаем, когда они не грабят кого-то у нас на глазах и на нас не замахиваются. Вот они и бросились бежать, поняв, что из-за опрометчивости одного из них, может хоть кого-то спасти только быстрота. Несколько и в самом деле уцелели. Да и мы не особенно старались – неинтересно стрелять по убегающим.

Дальше двинулись, повернув немного к северу. Признaки присутствия людей исчезли. Пересекли небольшое лесистое нагорье и остановились у ручья на обед. Вода тёплая. Искупались. Только двинулись дальше, прямо на Фериду вылетела куропатка. Ферида среагировала мгновенно. Привскочила в стремениах, успела схватить летящую птицу за крыло, и мигом свернула ей голову. Вот и приличный ужин потащили с собой.

– Завтра к обеду будем дома, – сказала Охота вечером, поворачивая дичину над костром. – Ещё немного и будет готова. Ой, я солью посыпать забыла.

– А если бы и не забыла? – смеётся Ферида. – У нас соли с собой нет.

Птичьей шкуркой меня предусмотрительно обделили. Всё равно я её есть не буду. А свою долю даже несолёного, нежного мяса я съел с удовольствием.

– Интересно, как там Вивьен в Париже поживает? – неожиданно саму себя спросила Охота. Плохо бы нам пришлось, если бы не он. Наверное, рад, что нас в Париже нет. Антогора, а тебе Вивьен понравился?

– Он мне сразу понравился, как только вы его подарок мне вручили.

– Вслепую? – дружно засмеялись Охота и Ферида.

– Вслепую.

– А что тебя больше всего порадовало в Париже? – спросил я Антогору.

– Лувр и канкан, – без колебаний последовал ответ.

– А из этого, что больше?

– Всё! Это слишком разные вещи. Нельзя сравнивать и выбирать.

– Да-а, канкан... – протянула Охота, как тогда – Ферида после «Мулен ружа» и девочки замолкли, думая о чём-то своём.

Может, прав Александр? Не переборщили ли мы с приключениями и новизной для девочек?

От далёкого холма слева отделились две точки и стали стремительно приближаться, превращаясь в скачущих амазонок.

– Вот мы и дома, – облегчённо вздохнула Антогора, – раз дошли до пограничного дозора.

Миловидные девушки в полном вооружении обменялись с нами приветствиями.

– Здравствуй, Антогора, давно тебя не видели, – приветливо обратилась одна из них, с любопытством глядя на меня. – Не встретили ли чего, о чём нам следует знать? А это с вами Александр или Сергей?

– Нет, всё тихо. Это Сергей. Антиопа здесь?

– Вчера была дома, но собиралась на побережье. Там беспокойно что-то в последние дни.

Оставшиеся десять миль проехали часа за два с небольшим. Большое, сжатое поле у края леса пусто. Дальше, за ним, похоже, что-то вроде тоже немаленького огорода. В нём копошатся какие-то фигуры. А ещё дальше загоны со скотом и лошадьми. Длинные, низкие строения для животных. Издалека деталей не разглядеть, но вроде бы всё обихожено старательно, с любовью.

Но как ни высматриваю, жилых домов нигде не видно. Только когда подъехали почти вплотную к краю леса, стало ясно, что поселение разбито среди деревьев.

Крепкие дома и домики из тонких брёвен стоят прямо в лесу. Так что даже и не увидишь много ли их, и насколько далеко в лес уходит поселение. Белки нисколько не пугаясь людей, снуют по стволам со своими беличьими заботами. Где-то над нашими головами стучит дятел. Слезаем с коней, и оставляем их без привязи. Антиопа, словно уже кем-то предупреждённая, ждёт нас, выйдя из одного из домов.

– Здравствуйте, девочки! Здравствуй, Сергей, – целуя меня в лоб, приветствует нас предводительница амазонок. – Вам очень повезло. Через час меня здесь уже не было бы. Теперь придётся немного отложить отъезд. Как вы здесь оказались? Что-нибудь случилось?

– Нет, – говорю я, – ничего не случилось. Просто я давно хотел посмотреть, как вы живёте. А ещё девочки говорят, что к тебе из Рима много известий приходит. Хотелось бы их услышать, если можно. Вроде бы там что-то странное происходит.

– Антогора, Охота, Ферида, вы, наверное, хотите домой заглянуть? Правда, не все ваши родительницы дома. Идите и через поворот часов ко мне. Очень удачно вы появились. У нас как раз опытных старших над сотнями не хватает.

Из дверей дома, на пороге которого мы стояли, выходит Астерия в полном походном снаряжении.

– Мама, с кем это... Ой, Сергей, – восклицает самая быстрая вестница племени, – а я-то думаю, кого это моя родительница беседой развлекает. Очень рада тебя видеть. Аве!

– Вот, говорит, что в гости заглянул. Посмотреть, как мы тут живём. Извини, Сергей, у нас тут дела неважные и очень непонятные. Много времени я тебе не уделю, но пока твои спутники ходят домой, можем пройтись по нашей деревне.

Вопреки ожиданию, не как в нашей пословице: «Дальше в лес – больше дров», в глубине леса оказалось светлее, чем на его краю. Оставлены не так уж и редко высокие деревья почти не препятствующие солнечным лучам. А около небольших домов и домиков, разбросанных на несколько десятков локтей друг от друга, сохранены кустики, а кое-где даже высажены цветники. Нигде мне ещё не встречалась картина такого окультуренного и, вместе с тем, гармоничного единения множества людей с природой. У эльфов и гномов в Верне разве что. Но они не люди.

– Вот здесь у нас площадки для тренировок, – обводит рукой Антиопа несколько полянок меж деревьев.

На ближайшей к нам лужайке несколько десятков девочек десяти-одиннадцати лет занимаются силовыми упражнениями с камнями. Пожилая воспитательница приветливо кивает нам. Остальные лужайки пусты.

– Почти все взрослые сейчас на берегу моря, – объясняет Антиопа. – И мы тоже туда отправимся.

– Что случилось?

– Пока ничего и непонятно может что-то случиться или нет. Сами увидите. А вот наши кузницы.

Их целых две. Впрочем, это не удивительно, учитывая количество оружия и лошадей в племени. Две обнажённые по пояс женщины лет сорока-сорока пяти в кожаных фартуках. Одна держит клещами над наковальней раскалённую подкову. А другая, легко и ловко пробирует в ней отверстия для гвоздей. В обоих чувствуется необыкновенная живая сила. Но и как у всех амазонок не видно при этом вздутых, рельефных мужских мышц, или бугорчатых тел наших современных культуристов. Взглядывают искоса на нас и небрежно кивают жестом очень занятых людей.

Во второй кузнице две ещё довольно молодые женщины точат мечи.

– Сейчас мы заканчиваем и идём, – отвечает одна из них на немой вопрос Антиопы.

– Поторопитесь и соседкам скажите, чтобы бросали подковы. Ждать вас некогда.

А для этого не потребовалось никакого объяснения – детский сад. Много девочек, а несколько годовалых мальчиков, для которых кормление грудью закончилось, ожидают своей отправки к отцам. Рядом школа под открытым небом. Урок истории Греции. Понятно откуда у Ферида, Антогоры и Охоты такая необычная для женщин этого времени эрудиция и тяга к красоте.

– Антиопа, ты тут упомянула какой-то поворот часов. Вы так меряете время? Что за поворот?

– А-а, у нас же нет таких часов, как у Александра на вилле. Которые внутри стучат и звенят время от времени. У нас солнечные и песочные. Поворот песочных часов – это, по-вашему, час. И большой промежуток на солнечных тоже час.

Возвращаемся к жилищу Антиопы. Наши лошади здесь и ещё чьи-то. Чудо несказанное уже вернулось, оделось в железо само, одело на коней железные нагрудники и о чём-то невесело разговаривает с Астерией и ещё двумя девушками в доспехах.

– Астра и Вилия, – знакомит меня с ними Антиопа. – Это моя охрана и вестницы. Нужно спешить. Иначе до вечера к морю не успеем. Охота, возьми под себя седьмую сотню. Ферида – восьмую. У Астерии – девятая уже давно. Антогора, под твоей командой весь этот отряд. Это последние. Остальные уже на берегу. Пошли!

Кто взлетел, а кто и взгромоздился на своего коня. Двинулись вглубь леса. Хотя пока это ещё не лес, а населённый пункт. Представления не имею, как мы будем проламываться через настоящий лес на лошадях. Хотя бы он даже и не такой непролазный, как на севере. За последними домами бурлит скопление амазонок в доспехах и с лошадьми.

– Седьмая сотня! – подняв руку и, отделившись от нас в правую сторону, выкрикнула Охота.

В мешанине людей и лошадей образовалось движение вслед за Охотой.

– Девятая сотня! – выкрикнула Астерия и повела своих бойцов чуть налево.

– Восьмая сотня! – подала свой голос Ферида, и остаток от беспорядочного скопления выстроился за ней в колонну.

Оказалось, что не так уж сложно и опасно ехать на лошади по усыпанному большими и малыми полянами итальянскому лесу. Нижние ветви больших деревьев всё равно выше головы. А мелкую поросль лошадь подминает под себя. Молодые деревья почему-то не растут под сенью великанов и поэтому не очень часты, и лавировать между ними не составляет труда. Даже проезжая рядом вдвоём. Мы с Антиопой едем впереди. За нами её вестницы-охранницы и Антогора. Охота, Ферида и Астерия мелькают где-то слева и справа. В сотне Охоты оказалась и её мать. Теперь они едут бок о бок и о чём-то оживлённо разговаривают.

– Антиопа, ты упомянула, что не хватает опытных старших сотниц. А вон у Охоты в сотне и её мать и те женщины, которых я видел в кузнице. Каждая из них вдвое старше Охоты. И будут ей подчиняться?

– Кто чему обучен и какой у кого талант, тот тем и занимается. Возраст тут ни при чём. Это у нас все прекрасно понимают. В племени и Охота, и Антогора, когда требуется, таскают и дрова для кузницы. Чего сами кузнецы не делают. Наши работницы огня и молота прекрасные бойцы и никудышные командиры. Любая из них в поединке запросто отлупит Охоту, но никогда не окажет Охоте неподчинения в строю. Но ты вроде бы хотел поговорить о новостях из Рима. О том, что тут происходит, и почему мы сейчас едем на берег я тебе там, на берегу и объясню.

– Ладно, на берегу так на берегу. Понимаешь, на днях приезжал вестник из римского дома Александра...

– Забыла спросить, – перебила меня Антиопа, – а Александр-то почему не с тобой? Нет его здесь? Понятно.

– Так вот, этот вестник мало что интересного передал. Стало быть, наши друзья в Риме не очень-то осведомлены о том, что у них под боком происходит. Может у тебя есть что-нибудь интересное о римских делах?

– Вряд ли. В основном то, что известно всем. У Октавиана и Антония вроде бы никаких разногласий. На сегодня во всяком случае.

– А что говорят об отсылке денег в Галлию для расположенных там легионов?

– Да ничего, кроме того, что давно было пора это сделать. Правда, Антоний тут руку приложил, говорят. Выторговал у Октавиана денег и на покрытие долгов перед войсками в Галлии. Его старания понятны – перетянуть легионы в Галлии на свою сторону.

– А что-нибудь про сенатора Флара слышала.

– Которого послали следить за выплатой жалования?

– Его самого.

– Сторонник Октавиана, но держится как-то особняком от других сторонников. Больше ничего. А что тебя беспокоит? С деньгами в войска всегда посылают кого-нибудь либо от сената, либо от императора. А то бывало, что деньги до солдат и не доходили.

– Сам не знаю, что меня беспокоит. Вроде бы обычное казённое дело, но вот промелькнуло боком одно знакомое имя и это меня насторожило. Думал, что тебе больше известно.

– Что за имя?

– Домиций Ульпиан.

– А-а, этот старый интриган! И что?

– Он должен был ехать вместо Флара, но внезапно заболел.

– Эка невидаль! И заболеть в его возрасте немудрено, и послать его могли, как любого другого. Не вижу ничего странного.

– И я не вижу, кроме того, что Ульпиан служит при Октавиане, похоже, для всяких тайных и тёмных дел. Октавиан ради присмотра за выдачей жалования солдатам не стал бы удалять Ульпиана от своей особы.

– Думаешь, в Галлии что-то затевается? Новости-то до нас долго доходят. Жалование, наверное, уж давно выдано, а Флар на дороге домой. Но к нам-то какое это имеет отношение? Галлия от нас далеко. Хотя по ту сторону моря и других дикарей хватает.

– Пожалуй, никакого. Наверное, просто моё чрезмерное любопытство.

– Жаль, что мне не удалось его удовлетворить, – засмеялась Антиопа. – Но всё равно я рада, что оно привело тебя к нам. Хотя время, пожалуй, не очень подходящее для встречи гостей. Похоже, за разговорами мы уже почти половину пути проехали.

Примерно через час в запах леса вторгся запах моря, который ни с чем другим не спутаешь. Лес прервался огромной поляной, простирающейся далеко влево и вправо. Несколько сот огромных коней разной масти и то же, как и в наших сотнях в стальных нагрудниках пасутся на ней. Пересекаем поляну, спешиваемся и, оставив амазонок отряда Антогоры на поляне, опять углубляемся в лес. Теперь лес уже недолог. Поляну с лошадьми и прибрежную кромку деревьев разделяют не более двухсот шагов. Кругом, насколько видно глазу, группами, парами и поодиночке сидят, стоят и лежат одетые в броню амазонки. Одни дремлют, другие что-то жуют, а большинство просто тихо разговаривают между собой. Голосов почти не слышно.

– На берег выходить нельзя, – предупреждает Антиопа.

За кустами опушки леса шагов на полтора-два каменная осыпь, переходящая в жёлтый песок превосходного пляжа, вечерняя синева морской глади и красный диск заходящего солнца. На горизонте видны какие-то острова. Берег безлюден, но не пуст. Из конца в конец какие-то почти бесформенные сооружения из чего попало. Вкопанные в песок брёвна плавника, всякие стоймя стоящие коряги, наваленные камни. Какая-то прерывающаяся каждые десять шагов широкими проходами стена в человеческий рост из всякого принесённого морем хлама. Примерно посередине между морем и лесом.

– Видишь, какая странная штука? – вполголоса говорит мне Антиопа. – Уже три ночи строят. Приплывают на больших лодках с островов и сооружают вдоль берега. Мы пока не мешаем и только наблюдаем. Море в руках Богов и всякий может временно искать себе места на чужом берегу. Мы не вправе мешать. Рыбаки часто тут высаживаются. Проплывающие корабли ищут воду и дичь в лесах. Нас не беспокоят и мы не против таких гостей.

Антогора, Охота и Фериды сквозь ветви тоже с интересом присматриваются к изуродованному пляжу.

– Как, по-твоему, что это такое? – поинтересовалась Антиопа.

– Если бы не нахальство и видимая бесцельность сооружения этой штуки я бы сказал, что это укрытие для воинов, скапливающихся для наступления. Но воинов-то нет!

– А если вдруг появятся?

– А смысл? Если воины есть, то для врага выгодно внезапное нападение. А тут словно предупреждают заранее, что готовятся к набегу. Бессмыслица.

– И я тоже ничего не пойму. Однако всё это кому-то же нужно. Столько сил потратить ни на что? Трудно поверить. Ладно, если бы этим занимался какой-нибудь сумасшедший или даже несколько. А ведь приплывают по сто и более человек. Я решила на всякий случай всех поднять. Строить вроде заканчивают. Дальше что? Если укрытие, то войско должно быть немалое. Дозорными постами его не удержишь. К востоку и западу дозоры стоят всегда. Но там тихо. Каждое утро от них сюда прибывают вестницы и возвращаются обратно. Тревожно мне. Очень тревожно. Словно нас кто-то водит за нос, а я понять не могу, откуда ждать беды.

– А строителей рассмотрели?

– Похоже, что из племён по ту сторону моря. Когда-то те пытались делать набеги, но мы быстро отбили им желание соваться сюда.

Довольно быстро темнеет и на большой поляне, позади передовых позиций амазонок зажгли костры. Вечернее кормление войска. Постепенно огни гаснут, амазонки рассеиваются между деревьями и устраиваются на ночлег. Только мы с Антиопой обзираем сквозь кусты берег, море и то же самое делают дозорные, расставленные через каждые сорок шагов. Тишина. Лишь время от времени брякнет железо доспехов, когда спящие поворачиваются во сне.

Гладь воды ровна и спокойна в свете луны. Проходит час, два, три. Я с трудом борюсь со сном. Впросительном взглядываю на Антиопу. Она пожимает плечами.

– Давно бы должны быть и в море никого не видно. Непонятно.

Сон меня всё-таки сморил. Астра тормошит за плечо и подсовывает кусок хлеба с мясом. Птицы заливаются вовсю и солнце уже высоко. Протираю глаза и одновременно кусаю импровизированный бутерброд. Антиопа стоит поодаль и обсуждает что-то с группой старших. Подхожу к ним, продолжая жевать. Антиопа оборачивается и досадливо говорит мне:

– Вестница из западного дозора давно здесь. У них тихо. Из восточного дозора ещё никого нет. Вот дождёмся и будем думать, что делать дальше.

– И далеко восточный дозор?

– Миль пять-шесть. Там, где река впадает в море.

– Давно вестница оттуда должна бы быть?

– Не меньше поворота часов.

– Странное опоздание при вашей-то дисциплине. А, может...

– Что с тобой, Сергей?! – с беспокойством вскрикнула Антиопа, глядя как я, наверное, побелел, а из рук вывалился хлеб.

А у меня всё похолодело внутри от внезапно пронзившей мозг кошмарной мысли.

– Антиопа, – прохрипел я каким-то не своим голосом, – если мне память не изменяет, то река проходит рядом с вашим поселением. И дозорный от реки не прибыл.

– О, Боги! Нас выманили! – на мгновение задумавшись, прямо-таки взревела предводительница. – Антогора, отряд в седло! Остальным приготовиться и ждать при лошадях!

Это была просто бешеная скачка сначала по большой поляне. Потом на миг ворвались в прибрежный лес и тут же вылетели на морской берег. Копыта мчащихся во весь опор трёхсот огромных коней в один момент превратили песчаный пляж в стремительно перемещающуюся тучу взлетевшего в воздух песка. Скорее, скорее, скорее! А в голове глупая мыслишка, что хорошо, если бы под каждым из нас были бы неповторимые жеребцы Луизы. Опоздали!

Какие милые и странно почти безмятежные лица у этих трёх девочек. Самой старшей, наверное, не больше двадцати, а младшей не больше семнадцати. Рот приоткрыт, а изумрудные глаза удивлённо распахнуты. Доспехи у всех порублены и измяты ударами, а на открытых частях тел ни одного живого места. Порезаны и исколоты страшными ранами. Видимо, от злобы их терзали и после смерти. Между шеей и воротом панциря старшей торчит стрела. Наверное, нападавшие отчаялись справиться с ней в ближнем бою. Кровь уже начала густеть, но ещё не потемнела. Мы опоздали буквально на час.

Вся земля вокруг истоптана ногами множества напавших и, наверное, с десятков или больше их остались тут навсегда. Страшноватые фигуры в домотканой одежде или шкурах валяются тут и там. Кожаные нагрудники с бляхами, топоры, секиры, шипастые дубины и какие-то невообразимые шлемы. Галлы? Гунны? Франки? Германь? Не разбираюсь я в этих древних племенах. Вряд ли девочек застали врасплох. Скорее, просто отрезали от войска. Иначе они легко бы ушли от беды. Три лошади шагах в ста у кромки леса стоят, и обеспокоенно смотрят на нас.

Антиопа упала на колени рядом с младшей. Опустила ей ладонь на лицо и закрыла глаза.

– Мерида, – вздохнула, словно всхлипнула предводительница амазонок. – Это был её первый дозор. Антогора! Костями ложитесь, а опередите их и к домам, полям не подпустите. Судя по следам от лодок на берегу их очень много. Держитесь – мы скоро за вами. На открытое место не выходить, чтобы не становиться мишенями для лучников. По десять своих лучниц от сотни поставить позади строя. Пусть выбивают самых опасных. Берег крутой и каменистый, трудный для лошадей. Вы быстрее доскачите через лес. Пошли!

Три сотни сорвались с места и вмиг исчезли среди деревьев. Мы тоже рванули и понеслись обратно по берегу. Прямо на скаку Антиопа указала мне на моё место в событиях:

– Твоё место, Сергей, позади всех. Понимаешь? Помочь в драке ты нам ничем не можешь, а отвлекать девочек на твою защиту мы не должны. Держись подальше. Никто не знает, сколько их там.

Земля задрожала, когда лава, наверное, из тысячи амазонок на огромных конях поскакала через поляну и лес в сторону своего дома. Моя лошадка полегче и побыстрее любой четвероногой громады амазонок. Но по выносливости она им сильно уступает. Через полчаса бешеной скачки я стал понемногу отставать. Тогда-то и выяснилось, что Антиопа всё-таки не оставила меня своими заботами. Её охранницы Астра и Вилия почему-то оказались рядом. То ринутся вслед за всеми, то придержат лошадей и ждут, когда я поравняюсь с ними. В конце концов, я им крикнул:

– Оставьте меня! Я буду осторожен!

Астра благодарно махнула рукой, и они понеслись вслед за всеми. Отставать не означает, что я остался один. Просто войско амазонок уходит всё дальше от меня, но остаётся в пределах видимости. Я вижу, как оно разделилось надвое. Половина всё так же держится к дому, а половина пошла левее, к реке. Я свернул за ними. Здесь берег уже достаточно ровный, и бег пошёл быстрее.

Слегка замедлились у каменной осыпи, пересекающей берег и упирающейся в высокую скалу, стоящую прямо в воде. Тут я их немного нагнал, но за осыпью амазонки опять подстегнули коней. От всей массы отделилось десятка два девушек, спешили у скалы, мгновенно сбросили доспехи и стали карабкаться на вершину. Зачем?

Когда я пролетел мимо скалы, то стало видно поле битвы. О, Господи! Да сколько же их тут? Как муравьёв! А лодок-то, лодок! Сотня или две? Всё происходит как раз в том месте, где по широкому берегу реки кончается лес с поселением в нём и начинаются поля и загоны. Амазонки отряда Антогоры заняли край леса и прикрыты деревьями и молодой порослью опушки. Отбиваются успешно. Вдоль деревьев уже навалено порядочно мёртвых тел. В оконечности леса, похоже, засели лучницы и не дают врагу обойти линию обороны через поле. Но слишком велик численный перевес. Рано или поздно отряд охватят слева или справа, или прорвут строй, навалившись в одном месте.

Хотя, что это я. Не обойдут и не прорвут! Времени у нападающих на это уже нет. Лава амазонок, скачущих во весь опор по берегу реки наваливается на эту огромную банду сбоку и начинает давить всех встречных конями. Почти в тот же момент из-за спин обороняющихся вываливается на врага часть войска, скакавшего через лес. Началась просто-напросто какая-то натуральная резня. Конный вал сшибает фигурки в шкурах как кегли, топчет их копытами, а вышедшие из-за деревьев амазонки отряда Антогоры, растянувшись цепью, идут за валом и добивают ещё живых.

Кое-где пришлые сбиваются в кучки. Ощетинившись оружием, прочно противостоят конным наскокам амазонок. Тогда тактика боя амазонок меняется. Всадницы кружат вокруг такой обороняющейся группы, держа врагов в напряжении, а несколько пеших амазонок, используя преимущество длинных мечей, взрезают оборону, как консервную банку. Через несколько мгновений всё кончено.

Правда, не всё так уж благополучно. Вон одна лошадь носится без всадницы. И ещё одна, и ещё, и ещё, но исход предрешён. Последние остатки бородатых дикарей в мохнатых одеждах прижаты к реке и добиваются. Три лодки успели отчалить и, набитые отступающими, спешно на вёслах уходят вниз по течению. Правда, уходят не очень далеко. Когда поравнялись со скалой, с её вершины полетели вниз камни, калеча гребцов и пробивая днища лодок. Метательницы камней ссыпались вниз со скалы, и с ножами в зубах поплыли к оказавшимся в воде врагам. Через две минуты всё и везде уже завершилось.

Жутко подходить к этому побоищу. Ноге ступить некуда. Пробираюсь по кромке воды мимо груд тел с конём на поводу. Амазонки отталкивают почти все большие, мореходные лодки от берега и те плывут по течению. Пытаюсь их сосчитать. Не меньше двухсот. Если на каждой было по двадцать воинов, то на берегу лежит сейчас около четырёх тысяч трупов. Амазонок участвовало в этой короткой битве втрое меньше. Но лошади-то каковы!

Что-то вода у берега вроде как покраснела. Амазонки, переговариваясь между собой, отмывают сами и отмывают своих коней. Поодаль стоят старшие, окружив Антиопу, и что-то обсуждают. Вижу и знакомую женщину, стоящую по колено в реке – кузнец. Из тех, что постарше. Которая подкову клещами держала. Приветливо кивает мне, смывая водой с ног и рук красные пятна.

– Вот такая у нас иногда работа. Да и она ещё не кончилась.

– Разве? Почему?

– А хоронить, кто всё это будет? – ответила работник огня и молота, кивнув в сторону побоища.

– Да, я как-то и не подумал. А где твоя напарница?

– Нет у меня теперь напарницы, – тихо проговорила амазонка и отвернула голову.

Только сейчас у меня пропало какое-то дурацкое чувство, будто всё, что я видел – это спектакль. Ужасный, но, тем не менее, постановочный спектакль.

– Мне очень жаль. Я так вам сочувствую.

– Ладно уж, а тебе спасибо от всех нас.

– Мне-то за что?

– Говорят, ты первым сообразил об угрозе. Представляешь, что было бы с поселением и нашими детьми, если бы мы опоздали хотя бы на полчаса?

От группы старших отделились вестницы и побежали по берегу, громко крича всем:

– Тела в реку! Тела в реку! Пусть плывут, откуда пришли!

Я присоединился к Антиопе, наблюдающей, как всё войско амазонок занято этой мерзкой, но неизбежной работой. Доспехи амазонок сняты и аккуратно разложены в стороне. Трупы пришельцев стаскивают в воду и пускают по течению. Сюда же – к нам приносят тела погибших амазонок и укладывают в ряд на траву. Чуть дальше импровизированный лазарет. Хотя и дома рядом. Раненых немало. Некоторые пострадали даже довольно серьёзно, но нет ни бесцельной суеты с причитаниями, ни жалоб и стонов. Пожилые женщины и девчужки из поселения ловко накладывают повязки. Глубокая старуха, наверное, здесь главный хирург. Искусно орудуя хирургической иглой, сшивает края длинной и глубокой раны на бедре. Её пациентка, запрокинув голову и сжав зубы, молча переносит процедуру. Только выступившие из-под ресниц слёзы выдают её боль.

Видна и работа Александра. Йод, перекись водорода и, похоже, спирт, а также стерильный перевязочный материал в достатке. Да и кое-какие хирургические инструменты совсем не отсюда.

– Астерия! – подзывает предводительница свою дочь. – Пошли кого-нибудь или сама сходи в устье. Нужно привезти девочек из дозора. Или нет, возьмите одну из лодок. Вам нужно обернуться до заката. И их лошадей приведите.

Подходят Ферида с Антогорой.

– Антиопа, Серж, пойдёте с нами. Там странных мертвецов нашли.

Перешагивая через трупы и уступая путь переносящим тела к реке, идём к краю поля битвы у реки. Действительно, две странные фигуры лежат на земле. Не потому странные, что сами по себе странные, а странные потому, что их здесь вроде бы не должно быть. Один из них мужчина лет пятидесяти, а другой тридцати. Светлокожие и по-римски бритые. В обычных, лёгких нательных доспехах рядовых римских легионеров. Без шлемов. Во всяком случае, они здесь рядом не валяются. И оружия при них не видно. Даже ножен у пояса нет. Явно не для драки они здесь оказались. Странная пара. Наблюдатели или советники что ли? Но, как я понимаю, в пылу боя никто со странностью разбираться не стал и оба попали под горячую руку. У старшего череп разрублен до переносицы. У более молодого дыра в груди.

Понятно, что никакие это не легионеры. Нет оружия. Да и не в оружии, собственно, дело. Пальцы старшего унизаны золотыми перстнями. С камнями и без камней. Таких легионеров не бывает. Антогора, проследив мой взгляд, приседает на корточки, стаскивает с пальцев трупа перстни и подаёт мне.

– Нет, мне только один вот этот, который попроще, – выбираю я. – Остальные отдай Антиопе. Это ваши трофеи.

Перстень-печатка какого-то аристократа с вязью букв. Преодолевая тошноту от вида разбитого черепа, пытаюсь представить себе, как выглядело лицо старшего раньше. Нет, не встречал его в Риме. Во всяком случае, не помню.

– Девочки, позовите сюда Охоту, – и когда та подошла, попросил:

– Посмотрите внимательно. Не видели ли вы этого человека где-нибудь раньше?

Чудо несказанное отрицательно и дружно помотало головами.

– Жаль. Отправляйте их, куда и всех.

Я оглядел поле. Очищение его от тел идёт довольно быстро, но и площадь очень велика. Разве что только к закату управятся. Руслó реки до видимого поворота вниз по течению усыпано медленно плывущими телами. Лодка Астерии с амазонками на вёслах несётся к морю, не обращая внимания на эти помехи, и скрывается за поворотом.

– Тебе что-то в голову пришло с этими двумя? – спрашивает Антиопа. – Правильно девочки сообразили, что не на месте они.

– Ещё как не на месте! – откликаюсь я, подавая ей перстень-печатку. – Не берусь утверждать в полной уверенности, но с большими основаниями можно думать, что сенатор Флар вовсе не на дороге домой после выдачи жалования войскам. А на дороге в царство Плутона после выдачи жалования большой разбойничьей ораве из-за моря. Если поделить восемьдесят тысяч денариев из казны Рима на четыре тысячи воинов в набеге, то каждый получит по двадцать монет. Хороший стимул для начала. Хотя может быть и проще. Все восемьдесят тысяч вождю племени или правителю страны, и бери воинов, сколько хочешь.

– Но мало ли аристократов с именем, начинающимся на букву «Ф», – возразила Антиопа, разглядывая перстень.

– Немало, – согласился я, – но и совпадений уж слишком много.

– Да, – вздохнула Антиопа, – согласна с тобой. Совпадения налицо. После погребения созову Совет племени.

Лодка с павшими девочками из дозора прибыла, когда солнце уже наполовину ушло за горизонт. Тела обмыли и уложили в ряд со всеми. Двадцать две амазонки потеряли мы сегодня. Тягостный обряд начался. Зажглись костры, окаймляя кольцом лежащие тела. Близкие погибших уже давно сидят рядом с телами. Всё племя от мала до велика большим кругом стоит и сидит вокруг тел и костров. Несколько женщин разного возраста, облачённые в какие-то свободные хламиды, кружат вокруг тел, что-то тихо напевая. Местные жрицы? Некоторых из них я видел днём в доспехах.

– Песнь о павших продлится до рассвета, – тихонько толкает меня в бок, сидящая рядом на траве Антогора. – Не запрещается спать при этом или уйти. Но я ещё ни разу не видела, чтобы во время такого обряда кто-нибудь уходил совсем.

Я и в самом деле заснул в середине ночи, привалившись к плечу Антогоры. Утром тела переправили на другой берег реки – на кладбище. Могилы уже открыты. Могильные плиты сделают позднее, а пока подготовлены деревянные колышки с именами. После обряда похорон бродим с Антогорой по кладбищу. На могильных надписях ничего кроме имён и цифр с одной буквой «л» или «д».

– Возраст, – объясняет Антогора.

Кара – 29 лет. Фриза – 75 лет. Одра – 16 лет. Пина – 19 лет. Руза – 44 года. Леста – 2 дня... Ряды могил уходят далеко. Много, много их здесь молодых и не очень за триста или пятьсот лет, но стариков единицы. Вот и сегодня добавились ещё почти все молодые. Кому они жить помешали? Почему они должны умирать такими юными?

– Пора на Совет, – напоминает Антогора.

Едва поместились в доме Антиопы. Двенадцать сотниц, включая Охоту и Фериду. Четыре командира отрядов, включая Антогору. Старейшая амазонка, которую я видел вчера за зашивкой ран. Старшая воспитательница детей. Старшая учительница. Кузнец – знакомая мне, хотя так и не знаю до сих пор её имени. Антиопа и Астра с Вилией. Я не в счёт. Тесновато.

– Вот, опять отбились, – начала Антиопа. – Не скажу, что с большим трудом, но вот потеря у нас большая. Двадцать две девочки – это очень много. Мы от таких утрат уже отвыкли – давно подобного не было. И отбились знаете почему? То-то же! Надеюсь, что больше не будет разговоров о смягчении условий военного воспитания. Кто в прошлый раз плакал о тяготах для молодёжи? А? Ещё раз услышу, то на страдалиц наложу такие тяготы...

– Оставь их, Антиопа, – заговорила кузнец. – Они уже всё поняли.

– Оставь, оставь! – передразнила её предводительница. – Вечно ты их защищаешь. Что там у тебя, Одра, по добыче?

Оказывается, что кузнеца зовут Одрой и она ещё вдобавок и казначей племени!

– Добыча очень скудная. Дубины, секиры и топоры нам не нужны, как оружие. А ничего путного для хозяйства из них не сделать. Нет, попробовать превратить их в мягкое железо можно, но это потребует много времени и сил.

– Выбросить?

– Скорее, да, чем нет. Оставить немного на изготовление ножей. С деньгами тоже неважно. Со всей этой огромной оравы собрали монет, золота и серебра всего примерно на тысячу двести денариев. Вот и решайте, на что мы их потратим. Да ещё в Риме нас, как обычно надуют при обмене вещей на монеты. Правда, урожай у нас хороший, но зерно на продажу везти далеко. Так урожай в этом году везде хороший. Цены упадут, и мы останемся с носом. Железа мягкого нам нужно прикупить и гвоздей строительных. И на виноградную лозу всё никак денег выделить не можем. Так что опять, как и в прошлом году на всё денег не хватит.

– С тканями у нас совсем беда, – вступила в разговор самая старая амазонка. – Кусочки сшиваем для нательной одежды, а девочки хотят ещё и кожаную подшивать.

– Да, с тканями у нас и в самом деле совсем плохо, – согласилась со старухой Антиопа. – И девочек можно понять. Подшитая тканью кожа приятнее для тела. Одра, сколько нам нужно?

– Если скромно, то хотя бы по двадцать локтей ткани в год на каждую. И это притом, что мы не носим таких роскошных и длинных одежд, как римлянки. Это получается сорок тысяч локтей по два сестерция за локоть. Всего восемьсот денариев.

Повисло тягостное молчание.

– На детей тоже по двадцать локтей? – с надеждой спросил кто-то из угла. – Может меньше?

– Вот будут у тебя дети и тогда узнаешь, что им нужно больше, чем взрослым, – сердито бросила Одра, обернувшись к говорившей.

– Ладно, сделаем так, – решила Антиопа. – Без железа нам никак нельзя. Поэтому хотя бы двести денариев на это мы должны отдать. Ткани тоже возьмём. Без них мы совсем человеческий вид потеряем. Посмотрим, что у нас останется. Очень хочется своего винограда и вина, но уж, что поделаешь, потерпим ещё. Не пойму, почему у нас с ним ничего не получается.

– С виноградом, наверное, Александр сможет помочь и без денег, – подсказал я. – У него в поместье хороший виноград. И женщины-виноградари, наверное, найдутся. Помогут взрастить.

– Вот это было бы хорошо! – оживилась Антиопа. – Однако у нас есть проблема и посерьёзней. Сергей, может, ты расскажешь?

– Попробую. Среди убитых при набеге на нас...

– На вас? – брякнул кто-то из нетерпеливых и бестактных старших сотенных девочек.

– На нас, на нас, – раздражённо подтвердила Антиопа. – Александр и Сергей наши друзья и вы это все знаете. Наши беды – их беды и наоборот. Продолжай!

– Так вот, обнаружили два римлянина. Один из них очень непростой. Мы с Антиопой полагаем, что это важный человек со своим помощником. Что нас заставляет так считать? По известиям из Рима в Galliю был направлен Сенатор Флар, чтобы следить за выдачей жалования войскам. Причём также известно, что денег при сенаторе было много больше, чем требуется для обычной выплаты солдатам. А теперь вспомните, как Рим пытался выгнать вас с ваших земель при помощи юридического крюкотворства. Давно ли это было? Но эта затея у них провалилась. А теперь вот обнаруживаются люди из Рима среди внезапно набежавшей орды с той стороны моря, но Антиопа полагает, что не из Galliи, куда из римского казначейства повезли непонятные деньги. Galliя не совсем в той стороне. Но Флар-то здесь. Что мы должны думать?

– А что тут думать! Этот Рим уже давно нужно было бы подпалить с четырёх концов, – высказались радикалисты из нетерпеливых и бестолковых.

– Ну, подпалить – не подпалить, конечно же, не то. Но как-то нужно вынудить Рим оставить нас в покое, – рассудительно заметила старейшая амазонка.

– У меня в последнее посещение Рима очень чесались руки удавить этого крысёныша Октавиана, – вспомнила Антогора. – Напрасно я этого не сделала. Вчерашнего набега не было бы.

– Очень хорошо, что мы здесь единомышленны, – подняв руку, чтобы все замолкли, произнесла Антиопа. – Осаждать Рим мы, конечно, не будем, но убрать оттуда враждебных нам властителей нужно бы. Сергей, мы можем что-нибудь сделать?

– Почему бы и не попытаться. Конечно же, это должна быть тайная интрига, заговор, а не лобовой налёт. Рим же. А заговор нужно подготовить. Собрать сведения, составить план. Но ситуация такова, что вряд ли всё можно будет проделать лишь болтовнёй.

– Мы будем нужны?

– Обязательно и много. Не меньше сотни. Вдруг потребуются демонстрация силы для поддержки разговоров. И первым делом нам всем нужно, чтобы племя оказалось под защитой государства. Иначе будет трудно говорить в Риме о правах племени даже с нашими сторонниками.

– Как это под защитой государства?

– Я тебе говорил, Антиопа, что раз вы стали владельцами земли, то придётся платить налоги. Пока вы не платите налоги, то и не являетесь гражданами Рима. Сейчас осень – время сбора налогов. Нужно заплатить первый – подушный и как можно скорее. Взять у откупщика расписку с печатью об уплате налога. Если тот будет упираться, то сами знаете, что делать.

– Откупщик, который собирает налоги, сидит в Алкалии. Это больше двадцати миль отсюда, – сообщила Одра. – Да и денег, сам видишь, как у нас мало. А сколько платить мы даже и не знаем.

– Всё это неважно. Заплатить можно зерном. Ты же сама говорила, что урожай хороший. Сколько заплатить тоже неважно. Отвезите мешков пятьдесят-семьдесят или, вообще, все излишки, если их некуда деть. Если будет мало, то можно будет довезти позже. Если окажется много, то перейдёт на следующий год. Нам важно получить на руки доказательство уплаты. Оно делает вас гражданами Рима. Как въедете в Алкалию, спросите местных жителей о налогах и ценах на зерно. Сколько за кого платить? За мужчин, женщин и детей берут по-разному. А то откупщик может вас надуть. Солнце ещё не в полдне. Если поспешите, то успеете погрузиться и доехать до Алкалии уже сегодня, а завтра вернётесь обратно.

– Антиопа, мы тогда пошли?! – вопросительно заявила Одра. И, захватив с собой пару молодых сотниц, ушла.

– А мы тогда с Антогорой отберём девочек посообразительнее и половчее. Я сама их поведу. Затея у нас опасная. Могут и не все вернуться.

– Конечно, сама. Представитель племени должен же быть у нас наготове. Что там у нас получится, кто знает...

Через три дня колонна амазонок въезжала во двор виллы Александра. Компания Габора, разинув рты, взирала из сада на эту демонстрацию силы и красоты.

– В конюшне только ваши лошади и поместятся, – сказал я Антогоре. – Остальных выгоните в поле. Пусть сами пасутся. Доспехи сложите в нижних залах. Не представляю, где мы всех расположим с ночлегом и едой. Давайте так, столы, какие есть вытащим в сад. Там и будем обедать. Место, где спать девочки пусть сами ищут себе в доме. Только на наши лежбища пусть не зарятся. В библиотеку можно положить человек двадцать. В наших комнатах на полу и кушетках человек по пять. В столовой, гостиной, верхних и нижних комнатах для гостей тоже много поместится. В первый этаж не нужно никого помещать – полы каменные. Александру в спальню можно вселить десяток. Так что вроде места и хватает, а вот на чём лежать...

- У всех походные мешки с собой. Набьют травой или сеном.
- Ферида!
- Я здесь.

– Бери серебряные деньги, Мара, запрягайте повозку и давайте в село за едой. Берите всё, что только дадут. Помощниц взять с собой не забудь.

Почти все новоприбывшие всю жизнь прожили, не покидая племени. Теперь группками бродят по всем трём этажам виллы, разглядывая диковины невиданного жилища. Пусть себе бродят, где хотят. Надо же как-то привыкать к атрибутам древнеримской цивилизации. А то ещё, не приведи Боги, в самом Риме растеряются. Хотя вряд ли – не то воспитание. Где-то внизу, в первом этаже истошный визг и плеск воды. Вот, пожалуйста, кого-то ради потехи уже спихнули в бассейн.

– Ладно, Антогора, я отправлюсь разыскивать Александра. Ты со всей компанией лучше кого бы то ни было управишься. Не вижу Антиопы. Где она? А, впрочем, не надо. Передай ей, чтобы на своих девочек не давила. Пусть чувствуют себя свободно и делают, что хотят. Ну, не совсем, что хотят, конечно. Какой-то предел должен быть. Например, Александр очень удивится и расстроится, если появится здесь и вдруг не обнаружит своего дома на месте. Я пошёл!

И в самом деле, пошёл. Скрылся за деревьями и огляделся, не видит ли кто меня. Вроде нет. Но амазонки пронырливый народ. Особенно в таком количестве, из-за которого не уследить, кто и где находится. Когда выходил из виллы, то увидел, что несколько девочек уже в саду. Не обидели бы они наших фавнов. Пройдусь-ка я на всякий случай подальше. Углубился в лес ещё шагов на двести и наткнулся на жилище нимф. А меня вот всё интересовало, куда это Ферида бежит звать нимф на купание.

Лесная прогалина и на ней сплетённый из живых ветвей дом. Словно дом или не дом, а большая, изящная и замысловатая, лесная беседка растёт себе из земли и не знает, что домам не положено самим расти – их строят. Но нимфы – не люди и, может быть, и умеют растить живые дома. Красиво! Вьющиеся растения взбираются на стены, огибают окна и распускаются цветами небывалой радужной гаммы. Зайти? Не приглашали. Отступаю на несколько шагов назад и ухожу в Питер.

Александра дома нет, как нет ещё и двух часов дня. Наверное, ещё в школе. У Стеллы его сменил нанятый менеджер. Ну, что ж, пойдём в школу. Александр и в самом деле там. Заканчивает последний урок. Звонок. Выходим на улицу.

– Ты что это припёрся? Вроде бы отправился отдыхать, а сам другим покоя не даёшь. У меня ещё продлёнка сегодня.

– Попроси кого-нибудь подменить.

– Ты это серьёзно?

– Более чем. И напиши заявление за свой счёт дней на десять. Соври что-нибудь. Если надо пообещай коллегам материальную благодарность сверх официальной платы за переработку.

– Так серьёзно?

– Я тебя вон в той уличной кафешке подожду. А то дождик накрапывает.

Не задавая больше вопросов, Александр унёсся в школу. В кафе среди дня не многолюдно. Оккупирую столик подальше от всех и заказываю кофе. Кругом мир и спокойствие. Никто и не подозревает, что сейчас в этом невинном заведении начнёт зреть заговор против Великой Римской Империи. Александр прилетает через полчаса. Тоже заказывает кофе.

– Выкладывай!

– На племя был набег из-за моря. Двадцать две девочки погибли.

– Ох!

– Вот тебе и «ох». И ещё какой «ох» – двойной и тройной. Амазонки, конечно, всех уложили, но среди мёртвых дикарей обнаружились двое римлян, – и я рассказал всё по порядку, начиная от сообщения Антогоры об уехавшем вестнике из Рима.

– Надо же, как неймётся этим сволочам! Нашу римскую коалицию самозащиты опасаются трогать. Решили подойти с другой стороны и разбить нас с тыла чужими руками. И они как бы ни при делах, и наша коалиция лопаётся, как мыльный пузырь без защиты амазонок. Ловкачи! Пошли!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.